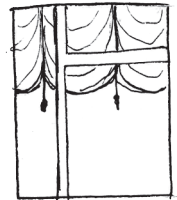
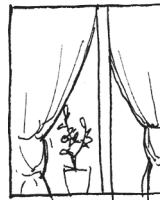
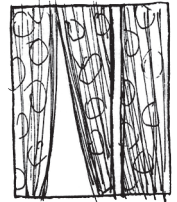
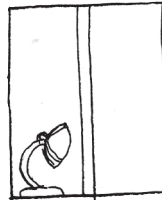

СРЕЗ ПО ДИАГОНАЛИ

Людмила Стасенко

Гротеск

Стасенко Людмила Ивановна
Срез по диагонали
2012

Книга Л.И. Стасенко представляет собой гротесковые новеллы, небольшие по объёму. Они содержат в себе глубокий философский смысл. В них автор заостряет внимание читателя на пороках современного общества, проблемах во взаимоотношениях с людьми, заставляет задуматься о смысле жизни, о своём предназначении на Земле. Рукопись представлена в ясном, доступном изложении, каждая новелла хорошо иллюстрирована.

Книга предназначена для массового читателя.

СРЕЗ ПО ДИАГОНАЛИ

гротеск

В доме №5, в самом центре города ночью случился переполох: произошёл взрыв страстей старых и новых газет, журналов, книг, что хранились в библиотеке на первом этаже. «Что? Где? Когда? Почему?» – слышалось отовсюду. «Кто прав? Кто виноват?» – судейски звучали вопросы. «Что делать?» – растерянно разносило эхо в пустых читальных залах. А Интернет захлебнулся от нахлынувшей информации и выдал сбой. Система вышла из строя. Компьютеры зависли. Полный коллапс! И тут в накалённой добела атмосфере появился Вопросительный Знак. Он покинул книжный мир, виртуальный мир Интернета, потому что в нём возник протест против Точек, Запятых, Многоточий, Восклицательных Знаков, против разноречивых и часто меняющихся мнений. С Вопросительным Знаком обходились оскорбительно небрежно, то забывая его ставить, то ставя его в скобках, а то и рядом с Восклицательным Знаком! Но это уже просто недопустимо!

«Что же делать?» – спросил сам себя Вопросительный Знак. Он облачился во всё чёрное и... пошёл по диагонали тысячеквартирного дома, в котором жили учителя, врачи, фотографы, художники, писатели, кассиры, служащие супермаркетов, банкиры, таксисты, турагенты, бизнесмены. Да разве перечислишь всех, кто живёт в многоэтажном доме города-гиганта. Пошёл он не ради праздного любопытства, чтобы подсмотреть, как живут люди, а чтобы узнать, чем они обеспокоены, к чему тяготеют, от чего бегут, что ценят дороже всего, о чём мечтают и к чему идут.

В гостях у художника

В квартире №5 на 1-м этаже жил художник. Пол, потолок, стены – всё в картинах. Если раскружиться и остановиться, то не поймёшь, где верх, где низ, как в невесомости. Все пять стихий природы (земля, вода, дерево, огонь, металл) нашли своё место в его картинах. Но художник недоволен. Слишком много натурализма, а нужна бы символика. Хорошо, что есть с кем посоветоваться, как быть...

Он подошёл к зеркалу, висящему напротив и, заглянув в его глубину, увидел, каков он сейчас: рослый, худощавый, лицо, как профиль скалы, а руки и глаза будто бы из одних нервов сотканы. Он заметил, как зеркало слегка улыбнулось ему. Много лет оно служило ему и было его совестью. А совесть художника должна быть чистой. Должна, но, к сожалению, нередко наносная пыль исканий и заблуждений толстым слоем ложилась на зеркало. Когда ему что-то долго не удавалось, когда он не мог найти себя, он оставался наедине со своей совестью и говорил с нею в открытую. Так было всегда, так было и теперь. Он подошёл вплотную к зеркалу и стал долго, не мигая, смотреть в его тёмную глубину, пока не увидел индигово-синие очертания острых гор. Горы, как игрушечные, громоздились друг на друга, пока не достигли Солнца. А Солнце растопило их льды и снега, и на отвесных скалах зазеленела трава. Она пробилась сквозь камень. Восторжествовали пять стихий природы. Художник задумался: «А разве человек, вышедший из Земли, не есть эти пять стихий природы?»

– Да, есть, если он на пути к совершенству, – ответил незнакомый голос мыслям художника.

Он оглянулся. Рядом стоял человек в тёмном костюме, белом гольфе. Казалось, он давно стоит и читает чужие мысли, а сейчас готов к разговору. Художник обрадовался незнакомцу: он жил один, привык к одиночеству, потому что как-то не скла-

дывалось у него общение с людьми довольными и сытыми, удачливыми и состоявшимися. Он жил особняком, в мире своих чувств, страданий, воспоминаний и единственно, чего хотел – это прикоснуться живыми нервами к Истине и о ней поведать. Он ещё раз взглянул на незнакомца: всё его существо выражало вопрос, будто он требовал ответа на самое главное и волнующее его. Чисто профессионально художник отметил необыкновенно чёткую линию его профиля, твёрдый пронизательный взгляд – признаки сильного характера.

– Путь к совершенству и есть путь к Истине, – сказал он, наконец. – Можно мне познакомиться с вашими работами?

– Да, конечно, – художник хотя и был смущён неожиданным появлением незнакомца, но не прочь был с ним поговорить, потому что с первого взгляда почувствовал к нему симпатию. – Я, право, не знаю, с чего начать, ведь творчество, как человеческая жизнь: вначале мы познаём окружающий мир, затем нам кажется, что когда-то в юности уже всё постигли, и дальше следуют разочарования, но прозрение наступает в роковые минуты. Счастливый обыватель мудрым не бывает. Вот и мои работы – здесь можно увидеть мои попытки в разных стилях и жанрах.

Он замолчал. Незнакомец подошёл к картине, которая чёрным пятном выделялась из всех. Выбрав ракурс, он долго смотрел на картину. Морщины густо обозначились вокруг его глаз. От пристального взгляда картина почувствовала себя неловко и слегка отодвинулась. В правом нижнем углу её незнакомец заметил название: « Семь маков пламени». Голос тихий и печальный, непонятно откуда исходящий, заполнил пространство: «Алые маки на чёрном камне горят, как факелы, а один сник, нарушен ритм, оборвалась песня». Незнакомец посмотрел на художника: он стоял, как одинокое высохшее дерево. Чтобы как-то пояснить происходящее, художник, поборов смущение, заговорил:

– Вот такая беда случилась: взлетел самолёт и взорвался. Столб огня – и ничего больше.

Он достал сигарету и, пуская густые клубы дыма, продолжал:

– С тех пор, как её не стало, у меня непроходящее чувство одиночества. От безделья и непонимания люди спорят: кто одинок – сильный или слабый. Да какая разница? Одинок тот, у которого нет любимого человека. Я давно живу, как замороженный. Как этот глаз, – он кивком указал на небольшую овальную картину, с названием «Взбесившаяся палитра».

Картина смотрела разноцветными удивлёнными глазами, полными ужаса. А синий глаз, как леденец застывшего моря, вдавленного в грот. Как холодит этот глаз! Нет сил смотреть, остолбенеть можно! А рядом в высокой чёрной вазе – одинокий бутон белой калы.

– Тогда, встретившись так близко со смертью, я задумался не только о своей судьбе, но и о судьбах многих людей, поколений. Вот на холстах мои мысли.

Они молча подошли к триптиху «Реабилитация». На первом полотне – «Донос», к уху «владыки» тянутся гадкие губы доносчика. Второе полотно – «Мертвая зона», сплошная чернота. И третье – «Реабилитация» – рухнувший дом, вытекший глаз, скорченные старческие пальцы раздвигают прутья клетки.

Зеркало смотрело на картины холодным строгим взглядом. Отражённое в нём прошлое глухими и ритмичными ударами наполняло пространство. Потупив взор, через минуту молчания зеркало посмотрело правее: серия картин, объединённых общим названием «Атмосфера». Атмосфера – большой живой организм, в котором мы живём. Есть кислород – дышим, нет – погибаем. А если атмосфера заражена колкими, враждебными словами, бесплодными идеями, то она – пустыня, где нет ни воды, ни пищи, одна жухлая колючка.

– Здесь я пытаюсь передать настроение сегодняшнего дня. Это не то, что было 10-20 лет назад. Выросло новое поколение. Мир изменился. Вот, посмотрите: «Лёд тронулся».

На картине был изображён нескончаемый поток людей с плакатами, лозунгами, требованиями, идущий вдоль широкой реки с громадами тающих льдин. Стихия вздыбила лёд, переломав его вдребезги. Течение уносило их с грохотом, а иные разбивало о берег.

– Лес рубят, щепки летят, – сказал пришедший. Художник молча кивнул головой.

Он подвёл гостя к стене с горизонтальными деревянными планками, которые свободно передвигались по вертикальным стержням. Он установил несколько картин на должной высоте, убрал яркий свет и спросил:

– Что вы можете сказать об этом?

– Я назвал бы это «Реквием». Вертикальные чёрные столбы – будто столбы дыма от сгоревшего дома. Это – соболезнование, сочувствие общему человеческому горю, жертвам терроризма при взрыве жилых домов, автобусов, поездов, метро. Да разве всё перечислишь! В страшное время живём.

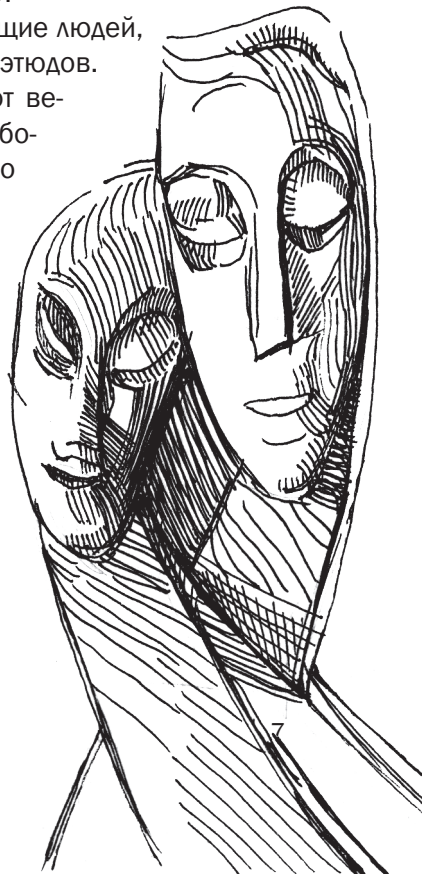
Зеркало сурово и скорбно смотрело на картину. Потом его лицо изменилось. Художник прочитал в его взгляде вопрос: «А будущее?» Действительно, какое оно, будущее? На что надеяться? На что рассчитывать? Чего желать?

Вот этюды – деревья, олицетворяющие людей, их судьбы, настроения. Целая серия этюдов.

Огромное, ветвистое дерево охраняет от ветра маленький росток – «Опека», – забота о детях. Сколько их, беспризорных, по России скитается! Обездоленных, горемычных, никому не нужных. Никакие детские дома не заменят тёплый семейный дом.

«Гармония» – из одного корня вырезаны две обнявшиеся фигуры – мужская и женская. Это – любовь. «Есть вера, надежда, любовь. Но Любовь – превыше всего», как говорил апостол Павел.

Резким диссонансом звучит тема ностальгии – засохший черёмуховый куст среди тропической растительности, а рядом – долларовые

купюры. Что занесло тебя, человек, не в свою стихию? Ты уехал по призванию, по любви или был вынужден зарабатывать деньги на чужбине и не вынес одиночества? А ветер-странник унесёт твои деньги в никуда.

Река вынесла на отмель иву и распластала её, как утопленную. Мёртвое дерево с обломанными ветками, с содранной листвой. Как измотало тебя течение... Суицид – не самое верное решение проблем. Но окончательное. Кстати, в самых, казалось бы, благополучных странах с точки зрения уровня жизни суицид лидирует. «Не хлебом единым жив человек», – гласит Библия. А Книга книг знает, что говорит.

На картине – сгоревшая тайга, а под нею подпись: «Геноцид». Сколько пострадало наших людей при распаде СССР в союзных республиках, откуда они вынуждены были бежать, оставляя дом, нажитое добро и друзей, коренных жителей, ставших им родными и близкими за долгое время проживания вместе.

– И всё-таки, каково наше будущее? – в глубокой задумчивости произнёс художник, пристально глядя в зеркало. Он видел там бушующее чёрно-красное пламя, перекрываемое синими порывами ветра, омываемое морской волною, а там, дальше, что это?

Он взял кисть, палитру, сконцентрировал своё внимание на желании увидеть, постичь то, что спрятано в глубине зеркала, как спрятано от нас самих наше будущее.

Лишь в вещих снах нам иногда удаётся увидеть край спрятанной истины. Лишь Пророкам дано заглянуть вперёд.

Таинственная глубина зеркала раскрывалась перед ним в минуты редкого доверенного откровения. Это состояние он всегда предчувствовал. И вот сейчас, медленно, а затем всё более и более уверенно он стал наносить на холст мазки. Холст стонал от избытка информации. Мазки жёлтые, зелёные, красные перекрывались чёрным и фиолетовым. Картина алела, замирала, стонала. И вдруг, как бы выплывая на поверхность холста, из глубины вышли небесно-голубые, светлые тона. Картина облегченно вздохнула, ожила.

Художник хотел обратиться к незнакомцу, чтобы что-то сказать, но рядом никого не было. Он осмотрелся по сторонам. Никого. И вдруг...он увидел его в зазеркалье. Незнакомец сказал художнику: «Спасибо» и растворился в глубине зеркала.

Коллекционер

– Кто там?
– А кто там?
– Если угодно – коллекционер.
– Очень угодно. Не бойтесь. Откройте. Я – Вопросительный Знак.

За дверью послышался шорох, потом дверь открылась и удивлённый хозяин, увидев в пришедшем типаж прошлых времён, спросил:

- Шутите или вправду маскарад?
- Не до шуток. Дел много.
- Хотите коллекцию увидеть?
- Очень хочу.
- А грабить, убивать не станете?
- Моя профессия – только спрашивать.

Говоря это, Вопросительный Знак снял чёрный цилиндр, небрежно бросив в него белые лайковые перчатки, поправил галстук-бабочку на крахмальной белой манишке и вошёл в квартиру коллекционера.

– Пожалуйста, сюда, вверх по винтовой лестнице прямо на капитанский мостик.

Квартира коллекционера Иегудова была превращена умелыми руками хозяина в двухпалубный корабль. Поднявшись с нижней палубы на верхнюю, они очутились в капитанской рубке, где был штурвал, а в стены вмонтированы настоящие иллюминаторы.

Хозяин гордился своими способностями доставать и творить.

– Сам сделал. Из Одессы привёз. Вы бывали в Одессе? Слышали за такой город?

– За такой город, – гость слегка передразнил хозяина, – не то, что на Земле, а и на Марсе знают.

– Не знают. Потому что, если бы кто понимающий жил на Марсе, он у Иегудова был бы под номером. Я – коллекционер и коллекционирую всё интересное, что есть на свете: вещи, характеры, судьбы, факты, пространство, время. Да вы просто уникам!

– Ещё какой! Сейчас я вам это докажу.

Он подошёл к штурвалу и резко повернул его. Иллюминаторы засветились как дюжина экранов плазменных телевизоров. На самом первом, слева, помигивая, горели слова: «Выставка-голография – всего мира фотография». И началось. Это было какое-то светопредставление. Загрохотала цветомузыка, замелькали изображения на экранах, города, пустыни, моря сменяли друг друга. Иегудов был в трансе: его, чёрные, как нарисованные, брови сдвинулись в сторону, и весь он ликовал. Вдруг музыка прекратилась, и в безмолвной тишине на экране появилось...

Карликовое государство

Голос невидимого диктора размеренно и бесстрастно читал текст, поясняя кадр за кадром:

– В Карликовом государстве жили карлики, которые страдали гигантоманией. Они воздвигали карликовые небоскрёбы и опоясывали их карликовыми плакатами. Они вырубали карликовую берёзу и складывали её там же огромными штабелями, где ей суждено было сгнить. Они превращали океаны в пустыни без верблюдов, а пустыни – в океаны без морских звёзд, без красных водорослей, без коралловых рифов.

Горы стирались карликами, как нарисованные. На их месте, теперь гладком, как свиной окорок, строили спортплощадки, – карлики любили спорт, и все были чемпионами. Центральный стадион находился на месте бывшего озера, засыпанного теперь землёй. Свободного места вокруг было много, но карлики любили перекраивать природу...

Каждый день начинался и кончался одинаково: стук-грюк, трах-бах, тяп-ляп, бряк-брак... Браки бывали разные, не было только браков по любви: некогда любить, работать надо. От мелких карликовых страстишек рождались такие же карлики. Их было много, и они ничего не делали, – у детей не должно быть забот в карликовом детстве. Карлики развивались вяло, потому что никто ими не занимался. Нечего воспитывать, работать надо. А время брало своё. И вот уже не по-детски жестоко расправились дети с подвернувшимся под руку старым

карликом. Подумать только, какие злые дети! Нечего думать, работать надо.

А один всё-таки задумался: почему он карлик и почему небо такое голубое? Его посадили в клетку под корявой карликовой берёзой, и теперь уже небо не казалось ему таким чистым. А клетка была такая тесная, что он стал казаться себе гигантом. Его отвезли в сумасшедший дом.

Карлики жили уныло и тускло и рано умирали. На могилах их не росли цветы. Нечего о цветах, работать надо.

Стук-грюк, трах-бах, тям-ляп, бряк-брак... Ого, какой брак сработали, великану под стать! Спишем это в металлолом. Гора металлолома, гора бумаг по списанию в металлолом. Металлолом – доходная статья. Поставим пункт приёма цветных и чёрных металлов на кладбище: ограды, кресты, гробницы, рельсы, рамы от фотографий, – это ли не план?! Вот теперь всё в порядке.

Стук-грюк... Кого это ведут? Это карлик Стук ведёт карлика Грюк. Разговорчики... Нечего говорить. Работать надо. Трах-бах... То-то.

Тям-ляп, тям-ляп... Кто-то учится ходить? Нет, это карлик Тям идёт на работу. Тям-ляп, ляп-тяп... Сколько же тут ляпов в твоей литературе-макулатуре! А сколько тямов! Ради таких тямов, можно и не заметить ляпы. Тям-ляп и в лапу. Да не отсохнет рука берущего, да не оскудеет рука дающего... Пальцы карлика похожи на сучки карликовой берёзы, скрюченные, возьмут – не выпустят.

Стук-грюк, трах-бах, тям-ляп, ляг – готово! Ещё одно озеро похоронили, засыпали, сравняли, загладили. Во как сработали карлики, куда уж тут великанам! А посередине бывшего озера поставили рекламный телещит. Стоит он на озёрной могиле и всю вещает о карликовых достижениях: ай да карлики! Всем карликам карлики! Славно поработали сегодня, так держать завтра! А завтра то же, что и сегодня. Стук-грюк, тям-ляп, трах-бах, бряк-брак, работа, работа, работа, без мысли, без слова, без дела.

Когда голос диктора смолк, незнакомец вопросительно посмотрел на Иегудова. Коллекционер ответил на его непрозвучавший вопрос:

– Я столько видел на своём веку, что все свои впечатления вложил в компьютерную память. Очень удобно! Места не занимает, а материала на многие фильмы и романы хватит. Вот только бы время и талант сыскать подходящий. У вас никого на примете нет?

– Это должно произойти само по себе, без посредников. Время постарается.

Иегудов закурил и пододвинул пепельницу – кусок металла какой-то необычной формы, будто лопнувший волдырь.

– Этот экспонат я привез из Алжира, из Сахары с места испытания Францией атомной бомбы в 1961 году. От высокой температуры металл закипел. Лопнул. Остыл. И вот теперь видите, – пепельница в его руках вдруг изогнулась, вытянулась в странный гриб, потом сплющилась, образовав вогнутую поверхность, покрытую пеплом, перекорёжилась и превратилась в череп. Он положил металл на стол, и череп вновь превратился в пепельницу, приняв форму булькнувшего волдыря. Иегудов привычным движением стряхнул пепел сигареты в пепельницу, хотел ещё что-то сказать и показать посетителю, но увидел, как расплывающихся кольца дыма тает и исчезает пришелец.

– Чертовщина какая-то, – прошептал он, глазам своим не веря, – впрочем, чего в жизни не бывает? – И он затянулся покрепче, чтоб не сорваться с места и не закричать. Ведь он был настоящим мужчиной, если в арсенале своей коллекции держал много жуткого и не боялся.

Близнецы

Хозяйка пекла блины, а дети безобразничали, как могли. Иногда они усаживались за стол и, положив ноги на место вилки и ножа, кричали: «Мне! Мне!» Желторотым птенцам подкидывали блины, и половник в тесте ударял по выпуклым, упрямым лбам.

– Уберите ноги со стола, – кричала хозяйка и поворачивалась к горящим блинам. – Оболтусы, а не дети, откуда только такие берутся?! – спрашивала она не то себя, не то детей, пробуя готовый блин с маслом, смачно облизывая пальцы.

– Да у вас никак холодная война с переговорами? – обратился к женщине вошедший человек.

– Какая уж тут холодная, все руки сожгла.

– А вы что мамку не слушаете?

– А кто вы, чтоб учить?

– Я вроде вас – Вопросительный Знак. Всё люблю больше спрашивать, чем отвечать. Вот ответьте мне, пожалуйста...

– Да ничего они вам не ответят, это же олухи, а не дети, уберите ноги со стола! И откуда только такие берутся? – хозяйка положила каждому по блину и незнакомцу тоже. – Новый сосед что ли?

– Все мы соседи на своей планете. Устали вы с хозяйством?

– Чтоб оно сгорело, это хозяйство! Целый день крутишься, с ног валишься, а никто не видит. Эти два обормота душу вымотают, убила б хоть сейчас!

– Уж прямо так и убила. Они такие симпатичные, рыжие, конопатые и, как две капли воды, похожие. Как зовут-то?

– Этот – Ванька, а этот – Санька.

– И нет, и нет! – закричали близнецы и мигом смахнули свои ноги вместе с тарелками со стола. – У Саньки сегодня ботинки красные, а у меня – чёрные.

– И неправда, всё наоборот, полез драться Санька (или Ванька).

– Я запуталась. Вот я вас сейчас, – и половник вновь прошёлся по лбам близнецов. – Вот так целыми днями. Ну, скажите, разве это жизнь?!

– А почему вы не работаете? Отдали бы их в детсад, там, в детском коллективе...

– Да муж не пускает. Говорит: сиди дома, отдыхай, пока дети маленькие, нужды, мол, в твоей зарплате нет. А отдых – он весь перед вами. Так и кручусь день ото дня. Ещё он гово-

рит, что домашние дети лучше общественных, воспитанные и здоровые.

– Ну, знаете ли, это когда как, – дипломатично вставил гость, не решаясь обидеть женщину.

– Ах, пока я с вами говорила, блин сгорел! – Хозяйка досадливо махнула рукой. – Тут не до разговоров, только и успевай крутиться между плитой и этими шалопаями.

– Насчёт блинов я не мастер, а детьми, пожалуй, займусь, пока вы заняты. Не возражаете?

– Через пять минут сбежите. Это же не дети, а забияки, проказники! Откуда только такие берутся?!

– Ну, мы попробуем. Ванька, Санька! Где игрушки? Запрягите коня железного и перетаскивайте всё своё имущество в вашу комнату. Но, сивая, пошли! – и железная лошадь зашагала, как живая.

– Техника до чего дошла, – растерянно прошептала женщина, роняя блин на пол.

– А вы колдун, да? – спросил один из близнецов гостя. Вопрос остался без ответа. Игрушки задвигались, сами влезли в повозку и разместились, как хотели.

– Но, сивая, вези нас в царство умелых и смелых.

– А смелых зачем? – испугался Ванька, он был трусишкой.

– Чтоб не бояться, что ты неумелый, – ответил изломанный кораблик.

Сивка везла воз оживших игрушек по длинному коридору, прошла через смежную комнату и, наконец, очутилась в детской.

– Вот мы и приехали в царство умелых и смелых.

– И нет! Это наша комната! – закричали дети, испуганно тараща глаза. Они привычно потянулись к игрушкам, но те стали расплзаться в разные стороны, дрожа от страха: каждый день кого-нибудь из их собратьев приходилось выбрасывать на свалку изуродованными и непригодными для дальнейшей игрушечной жизни. Вышел слон и протрубил:

– Стойте все! Игра начинается.

Игрушки остановились, переглянулись, прижались друг к другу. Оловянные солдатики почувствовали свою ответственность перед всем игрушечным народом и выстроились шеренгой, заслоняя собой кукол, матрёшек, корабли, самолёты и даже танки. Многие игрушки были наполовину сломаны, но хотели жить и играть вместе со всеми. Тогда слон сказал:

– Пусть доктор вылечит, а механик починит игрушки.

Появились одорукий доктор с разбитой аптечкой и одноглазый механик со сломанным ключом.

– Мы можем делать нашу работу только плохо, – сказали они, – или совсем не делать, чтоб не навредить.

Мудрый слон был в растерянности. Что делать, когда специалисты не могут помочь? И тогда он обратился с призывом ко всем остальным:

– Дорогие игрушки! Ваше здоровье в ваших руках. Поможем друг другу, чем сможем!

Игрушки не знали, что такое энтузиазм, но жить хотелось, и они все стали предлагать свои услуги: безрукие матрёшки сочили для себя возможным стать медсёстрами, ёж предложил для шприца свои иголки. Орёл стал помогать механику закручивать гайки своим крючковатым крепким клювом. Короче, общество, оставшись без специалистов, кое-как справилось с ситуацией: все стали на ноги и началась мирная игрушечная жизнь. Кубики взгромоздились друг на друга – получился красивый, разноцветный город. Ну, прямо-таки сказочный! Через него проходила железная дорога. В вагончиках сидели куклы, звери и птицы и пели весёлые песни:

*Мы – игрушечный народ –
Любим песни, хоровод.
Любим поезд, самолёт
И корабль, и вертолёт.*

А когда поезд проходил мимо леса из зелёных пластиковых ёлок и берёз, оттуда вышли две куклы с корзинками грибов и спели такую песенку:

*Нам не страшен серый волк:
Есть защита – целый полк
Оловянных, деревянных
И пластмассовых солдат,
Очень стойких и отважных,
Замечательных ребят.*

И все упомянутые солдаты шеренгой выстроились мимо проходящего поезда и отдали честь машинисту Серому Волку. А Серый Волк ответил им тройным сигналом. Это было удивительное сообщество, в котором уважали и ценили и друзей, и врагов и держали себя в рамках неписаных, но разумных законов.

Дети удивлённо смотрели на происходящее. Никогда ничего подобного они не видели. Только в книжках, которые им изредка читала мама, было о волшебниках. Но такого, как сейчас, не было ни в каких книжках! Это даже представить невозможно!

– Ну, как, нравится? – спросил незнакомец.

Дети молчали. Присев на корточки, они пытались что-то выложить из букв, но буквы вырвались из рук, рассыпались по всему полу, а потом полукругом сами написали:

«Делайте всё сами, помогайте маме». Они подняли головы, чтобы что-то спросить у незнакомца, но никого рядом не было. А буквы красиво переливались разноцветными огнями, как ёлочные новогодние лампочки, а игрушечная свирель, которая сама себя отремонтировала, мелодично пела:

*Лучше всех на свете –
Это наши дети,
Умные и смелые
Добрые, умелые.*

Дети стояли, как околдованные. Им совсем не хотелось драться, безобразничать, передразнивать мать, строить рожи отцу, устраивать игрушечный разбой в комнате. Их как будто подменили.

– Ванька, Санька! Идите сюда, блины горячие, румяные, негорелые! – Кричала мать из кухни. – Да что это вас не слышно? Снова, видать, напроказничали! – Она вбежала в детскую с высокой горкой блинов на тарелке и тут увидела выложенные разноцветными буквами слова «Делайте всё сами...» Ей стало совестно и за свою жизнь безалаберную, и за детей бестолковых, за то, что годы рассеялись, как чадные дни на кухне. В памяти её проступила юность, когда жили тесно, скудно, рано взрослели, и дети в ту пору нормальными были, не то, что эти вот. Слёзы жгуче катились по её разгорячённым щекам, слова путались, а мысль была понятна: «Если нельзя жить, как раньше, так ведь и так, как сегодня живём, тоже нельзя».

Избавляйтесь от лишнего!

Римма и Рома считали деньги. Не свои, чужие. Впрочем, они-то считали их за свои. Работая в супермаркете, «обновляя» продукты, делая просроченные «годными», они познали чудо превращения чужих денег в собственные. И чего только не приходилось делать для этого! Вот «Ферри», – отличная штука для мытья посуды. Какая хозяйка этого не знает? А Римма и Рома знают куда больше: «эту самую «Ферри» развести водою и туда – всех кур залежалых, снимет тухлятину, курица, как но-

ворождённая будет! И продавать её надо по первому сорту! Вот так!»

По акту всё списано, проверка придёт – документы с печатями, а на прилавке – первый сорт. Пойди докажи! Это ведь химическую экспертизу делать надо, чтобы «Ферри» уловить. А кто будет? Всем жить хочется. Ну, бывают, конечно, дотошные, тем дать надо. Мало нельзя. Злить не стоит. Давать сразу много надо. Ну, конечно, бывают и идиоты, которые совсем не берут. А живут за идею. Тех уничтожать надо. Жить мешают.

И с фруктами и овощами тоже ладить можно. 3% - естественная убыль, на списание. Щас! Наши люди и эти 3% съедят, если нормальные овощи и фрукты на день задержать. Зашёл в магазин, ничего приличного нет. Есть хочется. А времени нет. Купят всё подряд и «спасибо» скажут. А то как же? За всё надо говорить «спасибо». И за вакуумную упаковку с испорченной рыбой тоже надо говорить «Спасибо». Что? Рыба вам не нравится? Так это вы её неправильно дома хранили. Целую неделю. А, чек сохранился... Ну, и мелочные пошли люди. Да нате, нате вам ваши деньги, запугали, не таких видели, больше к нам не приходите. А, сами знаете, ну, вот и договорились. Следующий! Некогда мне тут с вами по часу разбираться, приходят тут всякие, работать мешают.

Сбившись со счёту, Рома попросил:

– Дай мне водки, настоящей, не той, которою торгуем, а той, что на складе у деверя брали, настоящей «Путинки», понимаешь?

– Да чего ж тут не понять, алкаш ты. Тебе не деньги считать, а только б залиться.

– А может, коньячку для знакомства? – в дверях комнаты стоял человек в строгом чёрном костюме, белой рубашке с чёрным галстуком, высокого роста, немного сутулый.

В руках он держал бутылку «Наполеона».

«Во лягавые пошли, с французским коньяком в дом приходят, – подумал Рома, подавившись водкой, а где же наручники?»

– Гражданин начальник! Не виноваты, ей-Богу, не по своей воле, чего я их завоёв да завоёв покрывать буду? Самому жить

немного осталось, уж не губите свободу, если что – лучше Римму возьмите, она молодая, а я уже третий срок не выдержу, не курорт, сами знаете.

– Ах ты, змей подколодный! С Машкой наострился убечь! Так не тут-то было! Я давно заприметила, как ты ей ящики тащить пособляешь. «Женщин беречь надо!» Нужен ты ей, как в тюрягу сядешь! Гражданин начальник, это он меня молодую, неопытную в это дело втащил, пусть сам и ответ держит.

– Граждане-хозяева, долго я с градусами в дверях стоять буду?

«А может, его купить выйдет?» – в одночасье подумали Рома и Римма.

– Да голубчик вы наш! И стол ваш, и что на столе, и что в столе – всё ваше.

– Ну, рюмки-то где?

– Там, на кухне гранёные, мы люди простые, из хрусталей не пьём.

И действительно, хрустала в доме не было, да и не было почти ничего, если не считать пяти миллионов рублей, «нажитых» за пять лет работы в супермаркете.

– Я спросить хотел, – начал гость.

– Да уж спрашивайте, за всё ответим.

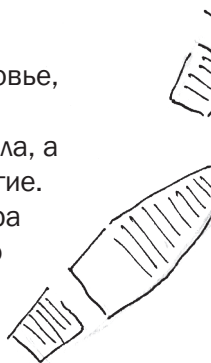
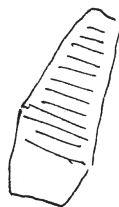
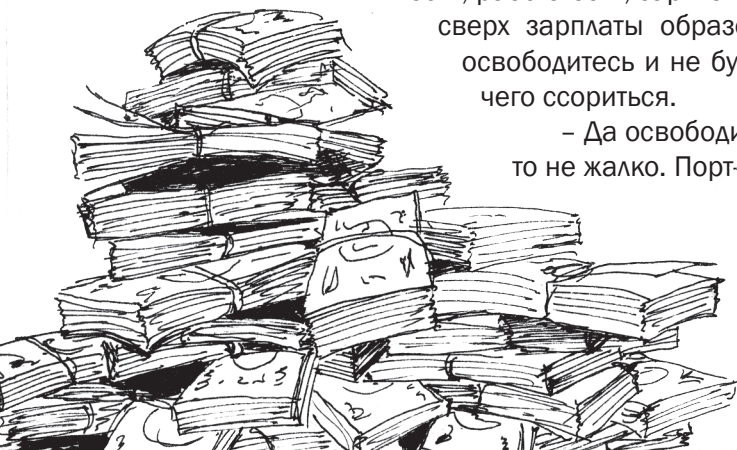
– И за всё заплатим.

Гость наполнил стаканы, чокнулись и выпили за здоровье, за мирную семейную жизнь.

– Да это у нас так, случайно перепалка с Риммой вышла, а вообще-то мы хорошо, в мире живём, в достатке, не как другие.

– Конечно, что вам делить: квартира есть, работа есть, зарплата есть, а что сверх зарплаты образовалось – освободитесь и не будет из-за чего ссориться.

– Да освободиться-то не жалко. Порт-

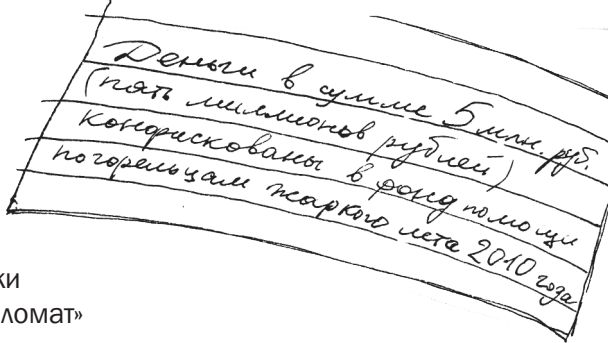

фельчик ваш при себе имеете?

– Вот он, – гость вытащил из-под стола новенький «дипломат».

Четыре дрожащие руки сгребли ассигнации в «дипломат»

– Довольствуетесь?
– Да как сказать, – неопределённо протянул гость.

Деньги в сумме 5 млн. руб.
(пять миллионов рублей)
конфискованы в фонд помощи
погорельцам жаркого лета 2010 года

Жена толкнула мужа ногой под столом, глазами указав на ящик. Видать, бывалый с ним нужно не жадничать, а не то себе дороже станет.

Рома скрюченными пальцами еле повернул ключ в ящике и всё, что было вытряхнул в «дипломат». Эх, говорил же дуре этой, что держать деньги надо в сбербанке, так она всё: «дома надёжнее», на, выкуси свою надёжность, дур...

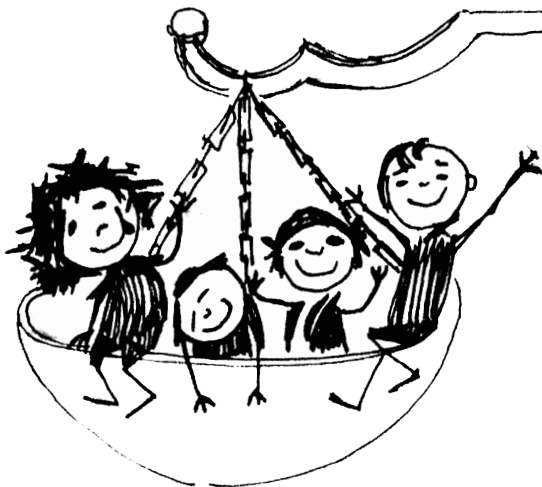

– Ну, вот теперь полегчает и спать станет спокойней, а то, поди, бессонница замучила.

– Замучила, окаянная, гражданин начальник, – в один голос протянули супруги.

– Ну, а теперь выпьем, чтоб жилось вам мирно и спалось спокойно. И чтоб больше такого не было. А то... сами знаете.

– Не будет, не будет, не губи ты только головушки наши, голубь ты наш, спаситель! – запричитали супруги и покорно наклонили головы, а когда подняли их вверх, в комнате никого уже не было, на столе – бутылка недопитого «Наполеона», на полу – следы ботинок. Рядом с бутылкой лежала записка: « Деньги в сумме 5 млн. руб. (пять миллионов рублей) конфискованы в фонд помощи погорельцам жаркого лета 2010 года».

Жена начала истерично кричать, звать на помощь милицию, соседей, но муж её благоразумно заметил:

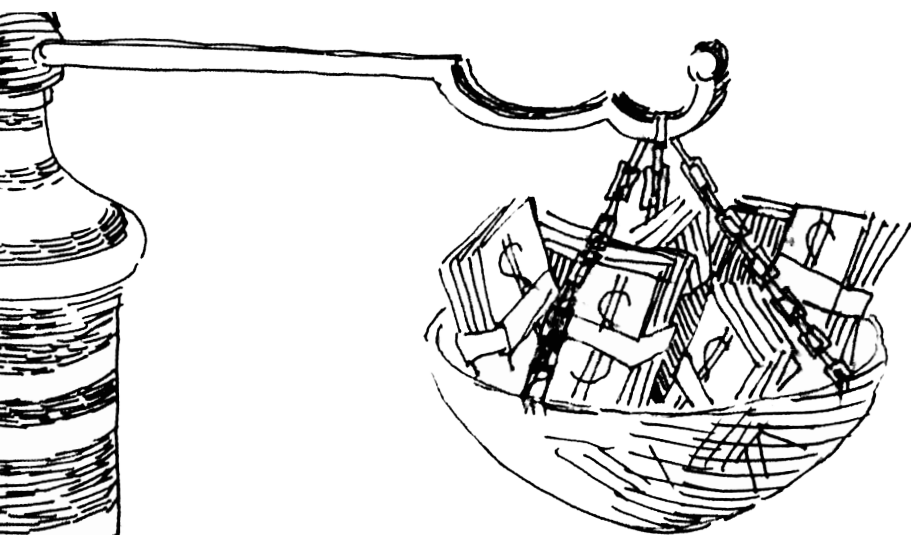
– Больше бояться нечего. Не накличь на себя беду. Пойдёмка лучше спать, жёнушка, давно мы с тобой не обнимались, как следует, всё больше в обнимку с бессонницей.

Он налил ей и себе недопитый коньяк, они залпом выпили и, всхлипывая, и успокаивая друг друга, отправились спать.

Многостаночник

– Ну, что ты меня держишь, всё равно я с тобой жить не буду. Нам надо развестись. У нас ничего нет общего. – Так говорила Фая своему мужу Изе не в первый раз. Он пропускал это мимо ушей. Но сейчас почувствовал «металл» в её голосе и понял, что от разговора не уйти, и он внутренне приготовился к скандалу.

– Дети общие, – ответил он, – будем делить. Поровну – двоих тебе, двоих мне.

– Зачем они тебе? Днём ты на работе, вечером – в своей ювелирной мастерской, по ночам шьёшь ортопедическую обувь по заказу. Какие уж тут дети?

– Вот и пусть к ремеслу приучаются! Будут многостаночниками!

– Как ты? А кому нужна такая жизнь? Ты превратил её в сплошной заработок. Только никому твои деньги не нужны, потому что не нужен ты сам.

– Ты ещё смеешь меня оговаривать! Да я вас всех кормлю!

– И думать так не смей! Ты преувеличиваешь свою роль в нашей жизни. Я продолжаю получать зарплату. А ещё – дополнительные выплаты многодетной семье, а ещё – помощь от родственников из зарубежья, а ещё – «Материнский капитал».

– Ха-ха! Капитал! Его надолго не хватит! А разумные люди на этом бизнес делают.

– Каким образом?

– Четыре «Материнских капитала» – это уже приличные деньги, чтобы вложить их в дело, или положить под проценты, или купить загородный дом, а квартиру сдать. Ты только поду-

май, сколько можно заработать денег на этой нашей пятикомнатной квартире в элитном доме в центре Москвы!

– Мы никогда никуда отсюда не уедем. А ты – куда хочешь. И чем раньше, тем лучше. Мне не нужен муж, который собирается делать бизнес на собственных детях.

– У тебя куриный ум. Ты не понимаешь, что деньги валяются на дороге, и только умные их видят и подбирают и делают из них новые деньги.

– Зачем? Чтобы жить, как ты? Да кому ты нужен со своими деньгами? Ты посмотри на себя в зеркало, в кого ты превратился!

Она подтащила мужа к зеркалу и ткнула лицом в холодное стекло:

– Полюбуйся! Сохлый, лысый, маленький, злой, – вот что осталось от тебя, от спортсмена и способного научного работника.

– Это ты меня довела! Я всё время работал, работал, а ты детей рожала и дома сидела.

– Как тебе не стыдно?! Да разве мог бы такое сказать настоящий мужчина?!

– Это правда. Уважающий себя мужчина так с женщиной не разговаривает, – в глубине зеркала, куда смотрел на себя Изя, он увидел незнакомого человека в строгом чёрном костюме.

– А-а-а! Ухажёров в доме прячешь, свидетелей собираешь, не выйдет! Я муж, на моей стороне закон, – кричал он, достоинство которого было ущемлено появлением другого мужчины. Он неистовствовал, глаза, вылезшие из орбит, полные гнева, метали молнии, а горькие слёзы обиды лились по давно не бритым щекам. Вдруг внезапно он обмяк, рухнул в кресло, как бесформенная масса и плаксиво запричитал:

– Фая, зачем он тебе, не уходи к нему, Фая, посмотри на него, он кривой, как вопросительный знак, он уже старый, не уходи к нему.

– Вот так всегда, – пробовала оправдаться жена, – увидит с кем-нибудь рядом и начинаются тут подозрения всякие разные.

Говоря это, она не без интереса рассматривала незнакомца. А что? Он вовсе и ничего, подумаешь, что сутулый, ну, значит, не спортсмен, тогда, может быть, какой-нибудь кандидат каких-нибудь наук, и не такой-то он старый, а раз этот бесится, значит стоит к нему присмотреться получше. Уйду от своего придурка и начну новую жизнь. Хуже, чем есть, не будет. Правда, одной плохо. Я-то совсем ещё молодая, хорошо, когда рядом понимающий благородный человек. И пожалеет, и приласкает, и детей в люди выведет. А вдруг это и есть судьба? – размечталась Фая.

– Послушайте, давайте мирно разберёмся, – сдерживая себя, предложил незнакомец.

– А собственно, кто вы такой, что в современной законной семье свой порядок наводите? – говоря это, глава семьи отечески пригорнул к своей груди детей и гордо посмотрел на незнакомца. – Семья – это монолит?! – заключил он дискантом почему-то с несколько вопросительной интонацией.

Фая хихикнула. Весь её облик выражал неприязнь и риторический вопрос: «Ну, какая с ним жизнь?» Дети, интуитивно улавливая настроение матери, высвободились из объятий отца и обступили незнакомца. Младший подошёл слева и незаметно сунул ему в карман обсосанный леденец, старший подарил бублик, а двое других, у которых ничего не было, тихо и удивлённо смотрели на дядю. Чувствуя на себе вопросительные взгляды со всех сторон, незнакомец счёл необходимым объясниться.

– Я пришёл сюда, чтобы облегчить вашу участь. Я хотел бы предложить вам временно мою квартиру. А ваша жена с детьми пусть поживёт одна, отдохнёт от вас. И вы отдохнёте. А дальше видно будет.

– А плату заломите спекулятивную? – Изя сощурил и без того узкие глаза и прищёлкнул тонкими, нервными пальцами.

– 10% от всех видов заработков.

Изя задумался. Заработков было много, а платить не хотелось.

– А чтоб вы не думали, что я на вас наживаюсь, деньги будете перечислять вот сюда, – он вытащил чековую книжку и вырвал из неё листок. – А вот и ключ.

Маленький, щуплый, лысый человечек уткнулся носом в лист бумаги и прочитал: «Вам гарантируется спокойная жизнь по адресу... Квартплата – в фонд «Общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом». Он взмахнул удивлённые глаза вверх, чтобы что-то, хоть что-то спросить у него, у чёрного костюма, но его уже не было. Хотел было снова ссориться, мириться с женой, но вдруг в нём появилось непреодолимое желание бросить всё и поехать по адресу. Вот он, ключ, а что платить много придётся, так ведь платить за всё надо. А он там скромно будет ещё и зубным техником работать по вечерам. «Ты ещё вспомнишь меня, Фая», – подумал он, выходя из дома.

Чудак

На 37 этаже жил чудак и звали его Агат Переливтович.

Хорошо, что на свете есть чудачки! Да, да, те самые чудачки, над которые смеются все остальные, то есть нормальные. И как хорошо, что всё уравновешено: в огромное нормальное человечество вкраплены они, чудачки, те самые, которые вдруг усомнятся в неделимости атома, поверят в левитацию, объявят себя телепатами или ещё того чуднее – экстрасенсами. Что такое «Экстра» – знают все, секс – тоже понятно, а вот – «Экстрасенс» – так это только для ненормальных. Это они, чудачки, поднимаются на Монблан и спускаются на дно океана, приручают кобру и открывают новые звёзды, уходят в мерзлоту искать алмазы, «свет солнца, сгустившийся в земле», и пишут стихи своим возлюбленным, исследуют жерло вулкана и ходят по канату над пропастью. Осторожно, чудак, не упади! Не разбейся об острые камни, острее которых разве только что насмешки нормальных. Побереги себя для новых чудачеств. Из них рождаются новые открытия.

Агат Переливтович не раз ходил по краю бездны, поднимался на острые скалы, достигал заоблачных вершин. Он ходил так высоко, где тени бродят сами собой, где снег искрится, как тысячи солнц, а пропасть – чёрная дыра, из которой возврата нет. Он уходил и, к своему собственному удивлению, возвращался, принося бесценные трофеи. А вот и они! Чего тут только не было! Но любимцев было два: коричневый в жёлтых пятнах кусок породы, который другим бы и не показался чем-либо примечательным, если не сказать, что взят он был с восьмидесяти тысяч в Гималаях. А другой... Ну, тут можно было бы замереть от восторга: это был голубой, цвета горного льда в ясный день, хрусталь, втиснутый в белоснежную кварцевую обойму. Его одурманивающая свежесть действовало на Агата Переливтовича как неожиданный избыток кислорода в загазованном городе. Когда он смотрел на голубой хрусталь, воспоминания просветляли его грустное лицо. Глядя на него в эти минуты, можно было постичь драму его жизни: он непонятен, смешон, чудаковат. Ему нет места среди нормальных людей. Нет, нет, не подумайте, что он хочет быть среди этих самых – нормальных, которые хохотали и изгалялись над его неподкупностью, стискивали его тугим, мрачным кольцом осломордых, а он проходил сквозь это кольцо, не прорывая его, а просачиваясь сквозь него, как луч, пробивающий чёрную тучу. Оставаясь наедине с собой, он мечтал, и радость искрами рассыпалась вокруг него. Он мысленно беседовал с такими же смешными человечками, как он сам, которых рядом с ним не было, но они существовали в природе на этой планете (или ещё на какой-нибудь другой). И он согревался при мысли, что его слышат. Он сам был согрет и защищён своим домом и его обитателями.

Однажды вечером в своей квартире (она скорее походила на пещеру) он сидел в резном дубовом кресле, поручни которых напоминали удавов, гладил их и приговаривал: «Если погулять, поползть хочется, то, пожалуйста». Удавы распрямили кольца на концах поручней, вытянули головы и сползли на пол. Перемещаясь по огромным карельским валунам, поднимались по

сталактитам и сталагмитам его квартиры-пещеры, разминая мускулы, они величаво расположились на здоровенных оленьих рогах, служивших вешалкой для головных уборов. Агат Переливтович любовался их свободой.

В комнате было душно. Он кликнул Чику, собачонку бумажную, вырезанную им когда-то с обложки глянцевого журнала, случайно увиденного им в киоске. Бедная собачонка сидела на груде рекламных стрингов для мальчиков и девочек и плакала. Ей было стыдно участвовать в рекламе товаров, вредных для здоровья. И не только. Ей ещё к тому же было стыдно за девочек, которые ходили по пляжу в трусиках, сделанных из одной тонкой верёвочки.

Чика прибежала на зов хозяина и радостно залаяла. Коралловые серёжки, подаренные ей хозяином за хорошее поведение, затрепетали и зазвенели, как колокольчики. Чика была добрая собака с сердцем из настоящего темно-красного сердолика.

– Чикуша, открой, пожалуйста, окна и принеси мне инструмент. Нельзя сидеть без дела. Слышишь, как тикают часы? Они отсчитывают время.

Собака насторожилась и жалобно заскулила.

– Вот так-то. Время идёт и нельзя допустить, чтобы оно от нас уходило пустым. Подарим ему что-нибудь хорошее.

Собака радостно взвизгнула и помчалась туда, где грудой лежали полюбработанные камни, вытащила один из них, который успел моргнуть ей зелёным глазом. Потом она притащила хозяину инструмент и терпеливо стала ждать чуда.

Кусок малахита в волшебных руках Агата Переливтовича предлагал узоры на выбор: на одной стороне, пожалуйста,

мягкий мох, на другой – шёлковые разводы, на третьей – море солёно-чистое, зелёно-пенистое. Агат Переливтович коснулся резцом, чтобы выкроить берег моря. Как только он это сделал, тут же услышал крик чаек. Он врезал в небо над морем маленькие кусочки белого кахолонга, и они тут же взмахнули крыльями. Какой простор, сколько зелёной, чистой воды! Чика смотрела не мигая. Агат Переливтович поднёс малахит прямо к уху собаки. Коралловые серьги спокойно висели в её ушах. «Не слышит, – подумал он, – значит чего-то не хватает». Он снова взял в руки резец и вырезал из красного карнеола солнце, а берег сделал янтарным. Солнечные блики заиграли на воде, на камнях, на прибрежных скалах. А волна омыла янтарный берег, и он заиграл солнцем, замурованном в янтаре миллионы лет назад! Чика взвизгнула, коралловые серьги её зазвенели колокольчиками, а сердоликовое сердце переполнил восторг от увиденного и услышанного ею. «Ну, вот теперь-то, кажется, получилось», – улыбнулся Агат Переливтович.

– Безусловно, получилось, – услышал он голос за спиной.

Он обернулся и увидел человека спортивного типа, правда, немного сутулого, в чёрном тренировочном костюме с белой полоской на груди. Чика тут же обнюхала внезапно появившегося человека, лизнула ему руку и уселась рядом, как со старым знакомым.

– Кто вы? Почему вас признала моя собака?

– А я её видел в рекламном глянцево-м журнале и очень пожалел тогда. Эта собака не для такой работы. Да вообще-то реклама – не собачье дело! Собаки очень чувствительный народ, они отлично понимают, где добро, где зло и где учат не думать, а послушно следовать моде, зачастую специально навязанную для развращения детей. Да и взрослых тоже. Я рад, что судьба Чики оказалась в ваших руках. А сколько хороших собак пропадает в плохих домах, продаётся безответственно на птичьих рынках, сколько их беспризорных бегают на улицах, и будто никому до этого никакого дела нет.

– Почему нет? Есть общество любителей собаководства.

– Общество есть. А где найти энтузиастов? Люди заняты выведением новых пород. Их волнует бизнес и престиж. А в любом деле нужен волшебник и художник, тот, кто и каменное сердце чувствовать научит. Однако, обществ много, а волшебников мало.

Сказал и исчез. Как будто и не было. Показалось что ли? Да нет. Судя по тому, как любопытно вытянули головы удавы, и как наострила уши Чика, – был, но исчез. Почему? Ответ на этот вопрос Агат Переливтович знал. Исчез, чтобы не мешать думать, как помочь людям избавиться от равнодушия и жестокости, от всепожирающего снобизма, престижа и авантюризма.

Чика прислушивалась к мыслям хозяина, этого удивительного человека, способного дружить с удавами, собаками и плохо ладить с окружающими людьми. Что делать, как быть, кого защитить, как восстать против несправедливости и торгашества, против воровства и одурманивания? «Времена не выбирают, в них живут и умирают», – Агат Переливтович хорошо знал классиков. И им тоже приходилось несладко. А что, было ли когда-нибудь в мире совершенство? Нет? Тогда и отчаиваться нечего, и удивляться не стоит. «Делай своё дело, и будь, что будет».

– Каждый должен делать своё дело, – сказал чудака и вышел на балкон. Закатное солнце раззолотило небо. Завтра он должен поздравить с днём рождения Илзу. Она недоступно хороша. И хотя она очень добра к нему, но он знает, что никогда ему не победить банкиров и крупных торговцев. Они одаривают её красивыми вещами, мимоходом говоря, что это – «сухие пустяки», а она, хотя и отказывается от них, но всё же поддаётся уговорам и принимает.

*Я сниму закатного солнца шар
С острия высоченной скалы.
Из раскрытых ладоней
Возьми мой дар,
На, возьми.
Поцелуй океанской волны прими*

*И зелёную ветку сосны.
Виноградную гроздь,
Сень осенних берёз
И хмельное небо прими.*

Завтра он подарит ей эти стихи.

У резного торшера

У резного торшера, укутавшись в белую вязаную шаль, сидела женщина. Надо сказать, что торшер это был не совсем обычный. Много лет назад она приобрела его у антиквара в далёкой экзотической стране. Он стоил уйму денег, и все ругали её за такую бессмысленную покупку. Подумаешь, торшер! Не машина, не квартира, а какой-то там светильник! Ну, и что из того, что он резной, слоновой кости? Подумаешь, трехэтажный, в него, видите ли, и небольшой стол, и секретер, и кресло вмонтированы, и ноутбук примостился. А проводка старая, лампочка всё время мигает. Вовсе и не мигает. Разве только тогда, когда торшер настраивается на разговор со своей хозяйкой. Ведь он свидетель всех её тайн: в его секретере хранились письма её далёкого друга. Торшер рыцарски хранил тайны их переписки. Да и не только переписки, но и разговоров, встреч. Чаще всего разговоры были телепатические – ведь для передачи мыслей и приёма их не существует препятствий, если очень захотеть.

А вот встречи бывали редко. Традиционной была встреча Нового года. Вот и сейчас на столике торшера стояла крохотная ёлка с зажжёнными свечами. Время подвигалось к полуночи. Торшер мигнул, чтобы напомнить об этом хозяйке. Она посмотрела на часы, наполнила бокал шампанским, и, глядя перед собой, протянула бокал.

– С Новым годом, – обратилась она мысленно к своему далёкому другу, и хрустальный звон бокалов прозвучал в тишине.

– С Новым годом, – услышала она в ответ.

– Как хорошо, что у меня есть ты, – прозвучало одновременно с двух концов Земли.

Ведь самое страшное – чувствовать пустоту одиночества.

Он явственно слышал её голос, чувствовал рядом её присутствие, сейчас она вот здесь, ну да, конечно же, это её кресло. На Новый год он всегда ставил в вазу рядом с её креслом букет ациоте.

– Ты напишешь мне сегодня?

– звучало одновременно с двух концов Земли.

– Конечно, ведь мне всегда есть, что сказать тебе.

Она взяла из секретера торшера лист бумаги, ручку и стала писать, чтобы потом отослать это письмо, как это делали наши романтические предки, голубиной почтой. Как, как??? В наше компьютерное время, когда есть Интернет, электронная почта, мобильные телефоны, в наше время отсылать чернильные письма почтовыми голубями??? Ну, есть же, наконец, экспресс-почта, которая доставит чернильное письмо на следующий день, ну, конечно, если ничего там не случится. Ну, через два-три дня точно доставит. Нет. Только голубиной почтой, как это делали наши романтические предки.

Итак, она взяла из секретера торшера лист бумаги, ручку и стала писать.

«Думал ли ты когда-нибудь, о чём можно говорить с цветами, – писала она, – с васильками и колокольчиками, что растут в степи, можно говорить о кузнечиках, которые

стрекохот вокруг, о том, как зреет колос, как дышит теплом земля. С ромашками – о солнечных брызгах, что превратились в белые лепестки. С нарциссом, – естественно о его красоте.

А с розами? С розами только о любви говорить можно. Как-то летом я пришла в розарий и среди всего великолепия нашла одну, чтобы с нею говорить. Вначале она кокетливо улыбнулась, приготовившись принять комплименты. Но, сказав в нескольких словах, что она, бесспорно, самая красивая, я добавила: и самая умная. Роза очнулась от сладких грёз и вопросительно посмотрела на меня: зачем ей это? Чтобы выслушать. Цветам присуще женское любопытство. И она меня стала слушать. Я нарисовала словами тебя, и она сказала: «Это – нарцисс». «Нет, – сказала я, он сильный и мужественный». «Тогда – вяз. Это красиво и достойно, – ответила она и продолжала, – а ты – сирень. Чем больше обламывают ветки сирени, тем лучше она цветёт. Ты очень красивый и крепкий куст. Тебе долго цвести», «Спасибо, – сказала я, – но иногда мне страшно. Я стою, не защищённая ничьей тенью. Я ведь могу сгореть на солнце, меня может сломать ветер», «Солнце и ветер утонут в твоих цветущих ветвях. Только ты сама можешь сжечь и сломать себя, если устанешь». «Что мне делать, роза?» – спросила я. Вечерний туман подарил розе капельку росы. Она стала ещё прекраснее с бриллиантовым украшением на лепестке. «Какая ты красивая!» – воскликнула я. «Да, это мне легче, чем быть мудрой». И она улыбнулась. От улыбки капелька росы задрожала и упала, как слеза. А может, это и была слеза? Если розы говорят, то, наверное, и плакать могут? А ты как думаешь?»

Женщина отложила письмо, взяла сигарету и протянула руку к зажигалке, но огонёк вспыхнул раньше, и она с удивлением увидела человека в чёрном комбинезоне с белой горизонтальной полоской. Он был строг, подтянут, но некоторая сутуловатость делала его похожим на...

– Кто вы?

– Я принёс вам письмо, – он протянул большой красивый конверт, – С Новым годом!

– С Новым годом! Проходите, пожалуйста, присаживайтесь!

Торшер вспыхнул всеми тремя лампочками, не от любопытства, а от удивления: мало ли что может случиться! Тут надо смотреть во все глаза!

– Благодарю, но я на минутку – передать вам письмо и взять то, которое вы пишете в новогоднюю ночь. Ведь оно уже готово? Не так ли?

Он вежливо поклонился. Она протянула письмо и тихо сказала:

– Спасибо вам.

Как будто из воздуха он взял белого почтового голубя и прикрепил к его лапке конверт.

– Лети, мой друг, адрес ты знаешь, – он на мгновение открыл окно и выпустил птицу на волю.

В ночной темноте белый голубь был похож на цветок ациоты, что стоял в вазе.

– Осторожно, не пересекай авиалинии, держись подальше от самолётов.

На мгновение торшер погас, а когда вспыхнул, – человека уже не было.

«Что это? – со страхом подумала женщина, – может, никого и не было?»

Но письмо из дальних краёв, лежащее перед нею было результатом прихода в дом незнакомца. Сильное желание прочесть его побороло недоумение по поводу загадочного появления и исчезновения человека похожего ... ну да, конечно же, на вопросительный знак. Она вынула из конверта письмо и стала его читать:

«Дорогая моя! Ты получишь это письмо в новогоднюю ночь. Посылаю тебе подарок на счастье: бабочку, которая очень редко бывает в наших краях, и появление её связано с добрым предзнаменованием. Пусть эта бабочка принесёт тебе удачу. Нет. Лучше чудо. Ты ведь знаешь, что чудеса существуют. Надо только очень захотеть, чтобы они сбылись».

Она нежно взяла в руки бабочку, такую волшебную и красивую, оранжевую со сполохами зелёного и синего, как лабрадорит, и выпустила её. Бабочка взмахнула крыльями, подлетела

к ёлке и села на самую верхушку, вместо звезды. Как будто специально для неё оставили это место свободным.

–Живая!..

За окном гудела метель, ветер ломился в дом, он устал, безпризорно скитаясь по свету, и озлоблённо стучал в замёрзшие окна так, что они дребезжали. Женщина поправила сползшую с плеч шаль и, подойдя к окну, увидела разбушевавшуюся метель.

*Ты сошла с ума метель,
Воешь, стонешь и смеёшься,
То подай тебе свирель,
То слезами разольёшься.*

*Как безудержно рыдаешь
В зимней беспросветной мгле.
То порою затихаешь,
Забываешь. В тишине*

*Только всхлипываешь редко
Что-то тихо говоришь,
Вдруг игольчатою, едкой
Пылью снежной задымишь.*

*Воешь, стонешь, зазываешь
Бесконечностью ночной
И в истерике бросаешь
Горсти злости ледяной.*

Ветер, так и не найдя приюта в этих краях, повернул на запад и, сбивши с пути антициклон, помчался в дальние странствия, теряя мощь, порывистость, ударяясь о горные хребты, застревая в волнах океана, сражаясь с встречными тёплыми течениями. И вот уже переродившись в лёгкий бриз, влетел в комнату, где человек с бокалом шампанского стоял у вазы с цветами ациоте. Свежий ветерок ласковым шёпотом

прошелестел по листьям, и, передав привет от далёких заснеженных елей, стих.

Поэт

В квартире на 10-ом этаже умирал поэт. Он прощался с жизнью, со своими стихами. Угасающий взор его был обращён куда-то вдаль, поверху. Рифмы, порождённые им, чётко выстраивались, и он видел их в образах живых людей. Мысленно он говорил с ними:

«Спрашивают, как вы приходите ко мне, мои стихи? Стучите в дверь, в окно, стоите на пороге дома или открытия, окутываете музыкой тишину, настраиваете нервы в резонанс с вашей чёткой мелодией? Не упустить бы вашего прихода, не оказаться бы глухим в атмосфере, насыщенной вами. Брать вас всем существом своим и, поднимаясь над обыденностью, придавать вам форму, понятную людям. А может, это я, пробиваясь сквозь бурелом жизни, сдирая кожу, иду к вам, мои стихи, чтобы коснуться запёкшимися губами вашего родника, заглянуть неверящими глазами в вашу открытость, принять боль от вас, как сладость. Так разве можно предать вас, мои стихи?! Выложить вас в угоду моде или сделать из вас золотой зуб. Ни один раз приходилось мне срывать кожу, продираясь к вам, мои стихи, вознося вас над бытом и насмешками. Отчаяние охватило меня, Насмешки, издевательства – это, как железные прутья клетки, о которые бьются рифмы и образы. И вот сейчас, истерзанный, но непокорённый, как и вы, мои стихи, я ухожу из жизни, а вас заклинаю остаться. Вы нужны здесь. Вы останетесь служить вместо меня. Кто-то услышит вас».

На какое-то время он задремал. Во сне он видел берёзовую рощу, наполненную полуденным зноем, разноголосьем птичьих трелей, шёпот листьев. Пение ветра слышалось ему, как нежная мелодия вальса. Он присел на корягу на берегу озера,

примостившегося внутри берёзовой рощи, и заглянул в зеркало воды. В тёмной глубине озера он вдруг увидел её... Да, это была она, Ёла. Обняв ствол берёзы и взяв на грудь несколько серебристых ветвей, она сама казалась тоненькой берёзкой, лёгкой и стройной.

– Ёла, как ты сюда попала?

– Пришла к тебе, – потом, помолчав, добавила, – двадцать лет назад.

– Неужели прошло столько времени?

– Прошло, прокатилось, прогремело, только эхо осталось, отголосок в памяти, когда ты сказал: отойди от берёзы, не заслоняй её. Вот я и отошла. Чтоб не мешать тебе. Ну, как ты жил все эти годы?

– Ты знаешь, хорошо. Я много работал и мне даже кое-что удалось. Наверное, потому, что мне никто не мешал. Я создан был для одиночества. Хотя я часто вспоминал тебя и только тебе писал стихи.

– Неужели? Если бы я тогда знала, что через много лет всё-таки буду нужна тебе, я бы не ушла. Но мне всегда казалось, что ты живёшь исключительно в мире твоих фантазий, ритмов, звуков, красок, и они так плотно заполняют твоё существование, что для другого просто не остаётся места. Ты был мне дорог, и я сберегла тебя для тебя самого.

– Спасибо. Ты единственная женщина, которую я любил. Ты заполнила мою душу.

Он подошел к ней, обнял и стал читать стихи:

*Из недр души идёт любовь,
Объемлет всё и защитит,
И нерадивого простит,
Виновного загородит.*

*Из недр души идёт любовь,
Долготерпенья океан.
Прощает искренне обман,
Дар милосердия ей дан.*

*Из недр души идёт любовь,
Всё покрывает, всему верит,
Надежде истину доверит
И обещаниям поверит.*

*Из недр души идёт любовь,
В ней нет ни зависти, ни зла,
Все тяжести перенесла
И служит своему без сна.*

*Из недр души идёт любовь,
Не превозносится, смиренна,
Своею не гордится верностью,
В любое время современна.*

*И если всё в миру угаснет,
Не будет веры и надежды,
В последний раз, сомкнувши вежды,
Склонится над тобой любовь.*

– Какие прекрасные стихи! Неужели это мне? – в её глазах светились слёзы.

– И эти, и все другие – тебе и только тебе. Вот слушай:

*Ни год, ни два, а тысячи веков минувших,
И тысячи веков грядущих
Душа моя тебя искала на планете,
Где перемешаны моря, материки,
Пустыни, звери, люди, птицы,
Тебя искала и нашла,
Чтоб миг остановить,
Глаза увидеть близко,
И на понятном языке
Услышать речь,*

*С тобой почувствовать
Всю прелесть бытия...*

Внезапно он проснулся, но сон ещё продолжался наяву. Он видел склонившуюся над ним Ёлу. Он протянул к ней руку, хотел коснуться её, но она растаяла.

– Как жаль, что миражи рассеиваются при приближении, – грустно сказал он.

– Миражи, галлюцинации, больное сердце, – это всё, что вы приобрели по собственной воле, – сказал некто в чёрной мантилье, появившийся рядом.

Нисколько не удивившись появлению незнакомца в своём доме (поэтам все кажутся знакомыми), он ответил:

– Моё сердце иссечено отравленной саблей моих врагов.

– Кто они?

– Наверное, вам известно, что, кто сам не сочинитель, тот совершенствуется в искусстве издевательства над творческими людьми. Так было всегда.

– Более того: и будет. Так устроен человек.

Он заглянул поэту в глаза: мысли свободно читались в них. Его глаза, как Шат-гора, объята ледниками, а внутри – адов огонь, не знающий успокоения. Но стоит Шат-гора – вечный камень во льдах, поборовших пламень. Не отогреться Шат-горе своим теплом, глубоко спрятано оно.

Он просидел всю ночь возле умершего поэта. Вопросы молча громоздились рядом с горящей свечой и не было ни одного ответа. Современники, земляне, поэты, граждане, вы спите? Вы не слышите, что его сердце, отданное вам, вашим страстям, победам, поражениям и преступлениям, настроенное на волну человеческих переживаний, остановилось. Когда же наступит ваше пробуждение?

*Дождь слезами над полем пшеничным, –
Плачет небо – умер поэт.
Это вроде бы очень личное –*

Был поэт, а теперь вот – нет.

*Почему же тогда запечалились
Ясноглазые васильки?
И звезду охватило отчаянье, –
Свет погас от великой тоски.*

*Или, может, звезда прямо в поле
Закатилась, – попробуй найти.
Горше-слаще поэта нет доли,
И тернистее нету пути.*

*Плачет небо, повисли колосья,
И затихли певчие птицы,
Только эхо многоголосое
За ушедшего просит молиться.*

Ночь тянулась бесконечно долго. Незнакомец снял мантилью, оставшись в чёрном траурном костюме, и задумался о быстротечности жизни.

«Время, как быстро мчишься ты без оглядки, смеясь над сиюминутным счастьем, срываешь белую фату и перед тем, как превратить её в саван, успеваешь морщинами обезобразить зеркало. О, мудрое и беспристрастное время! Никогда не останавливаешься ты на мгновение, а монотонно вершишь свой суд над внешним и преходящим».

В тусклом свете свечи он увидел исписанные листы бумаги, которые тихо парили над изголовьем поэта. Он взял их и стал читать.

*На нерве, на струне.
На голосе охрипшем,
В застывшей тишине
Под театральной крышей –*

*Не песня – это исповедь
Мужчины настоящего.
Поскольку должен кто-то ведь
Из дома, из горящего*

*Спасать не деньги, не комод,
А что там есть живого.
Тогда и сам он не помрёт,
Смерть не возьмёт такого.*

*На нерве, на струне
И на пределе страсти,
Что не горит в огне,
Он выстоял. Вот – счастье.*

Догорающая свеча вдруг ярко вспыхнула, и он смог прочитать ещё одни интересные стихи, написанные, видно, давно, судя по пожелтевшей бумаге, но очень совпадающие с нашим временем. Как в воду глядел!

Цок. Цок, цок!
Захлестнулся рок!
Пой, Виктор Цой,
Пой за упокой
Целого поколения,
Молись о воскресении
Своей души и веруй.
Открой пошире двери
Для выхлопа, для выхода
Страстей страшнее ада.
Ты посмотри, что сделано
Вместо того, что надо.
Из тонкого, из мира,
Где не царят кумиры,
Где тишь и благодать,
Скажи, что надо дать
Бомжам, остервенелым

Хапугам, лицемерам,
Убийцам, фарисеям
И всяческим злодеям,
Чтоб миг остановить,
Чтоб им помочь забыть
И алчность, и роскошество,
Понять всё то убожество,
Что извращает души.
Певец, кумир, послушай:
На нерве, на струне,
На вздыбленной волне
Поэзии и песни
Ты в выси поднебесной
Теперь живёшь вовеки.
Земные человеки
Живут толпой горячей
И чуют нервом зрячим:
Вот-вот родится новый,
Что песню петь готовый
В дождавшейся тиши.
Пульс времени, спеши!

Человек в чёрном положил на место стихи, погасил свечу и тихо вышел, настезь распахнув дверь. Грабители сюда не придут, они хорошо знают злачные места.

Завтра сюда явятся немногие его друзья.

Гадание на мыльных пузырях

Овальная комната слабо освещалась свечами, вставленными в витиеватые настенные бра. На полу на львиной шкуре сидела женщина, по-турецки поджав ноги, и выдувала из соло-

минки мыльные пузыри. Чёрное трико и чёрный тюрбан делали её похожей на крупную птицу, не умеющую летать.

Время от времени женщина закрывала глаза и шептала магические слова: «появись, покажись». Потом она открывала глаза и, долго вглядываясь в переливы на мыльном пузыре, смеялась то нервно, надрывно, то легко и добродушно. Вдруг в одном из пузырей что-то зачернело, как развивающийся зародыш в икринке, и на заклинание «появись, покажись» из лопнувшего пузыря выскочил Вопросительный Знак, скрюченный, как будто только что выпавший из школьной тетради.

- Ты кто? – испуганно спросила женщина.
- Я – Вопросительный Знак, – ответил незнакомец.
- Зачем пришёл?
- Спрашивать.
- О чём?
- О жизни.
- Тогда садись рядом и смотри.

На свежем выдутым пузыре обозначилась пустота.

- Вот видишь, пустыня величиной в жизнь. Но и в пустыне есть свои заботы. Давай посмотрим, что в ближайшем будущем появится.

На тонкой плёнке поплыли радужные полосы, похожие на цифры.

- О! Это премию дадут! Будет на что кран поставить, – радостно воскликнула она.

- Золотой??? – Вопросительный Знак согнулся в три погибели.

- Золотее золотого! Его достать и поставить, чтоб он не лил, когда не надо, – дорогого стоит.

- Почему?

- Потому что они все бракованные, китайские, на быструю руку сделанные из плохого металла.

- Так возьми наш.

– Он тоже из незакалённой стали, такой же брак. Залью под собой тридцать этажей, что буду делать?

– Ну, тогда купи итальянский.

– Настоящих нет, их подделывают, они лопаются и заливают. Настоящий надёжный кран дороже золота.

– Ну и дела! А на мыльном пузыре ты действительно на кран гадаешь?

– А на что же ещё?

Узоры на шаре всё меня-

лись, и вот уже радужные полосы

превратились в двух драконов:

один стоголовый, а другой – с кожей, по-

хожей на джинсовую варёнку. Первый шипел

и исторгал клубы дыма из всех своих ста голов,

а второй доброжелательно кивал кудрявой головой симпатичного юноши.

– Кто такие? – спросил Вопросительный Знак.

– Сферобытовые, – ответили сто голов в один голос.

– Это вы золотые краны ставите?

– Не-е-е-е! – отрицательно пропели все сто голов, – мы вообще ничего не делаем. Мы руководим.

– Это моя работа, – гордо, громко, рекламно заявил кудреголовый дракон. Фирма ЖКХ гарантирует.

– А что такое: ЖКХ?

– Ты, дядя, что с Луны свалился? Жилищ-

но-коммунальное хозяйство сейчас

стоит выше всех и никому не

подчиняется. На нас

нет ни суда, ни

указа. Мы вроде как

самостоятельное государ-

ство внутри государства. У нас

своя «Конституция», и мы по ней

живём.

– Так вы вроде как Ватикан в Риме?

– А хотя бы и так. По крайней мере по части прибыли и соперничать можем.

– Во куда взлетели сантехники, уборщики, слесари и ремонтники! Цены вам нет!

– А попробуйте обойтись без нас. Слабо? Как течь станет, или наоборот – воды нет, так и запляшете под нашу дудку. А я – хочу дам воду, а хочу – нет.

– Так кто ж полный беспредел!

– Вовсе нет. Я-то, маленький человек, а вот беспредел – в десять раз больше. А потом – ещё и в двадцать. И так дальше. А вы платите, потому что никто не докажет нам нашу неправоту. Теперь наше время настало. Это раньше говорили: «Из грязи в князи», теперь молчат. Боятся, что ещё дороже станет, да так дорого, что легче будет с квартиры съехать, чем за неё платить.

– Ну, и что же будет дальше? Ведь сколько верёвочке не виться, а конец будет.

– На нашу жизнь хватит, а дальше, хоть травушка не расти.

– Да, интересная у вас философия.

Тут в разговор вмешалась женщина, которую конкретно интересовал только кран, так как к беспределу ЖКХ она давно привыкла, как и все граждане, и ничего хорошего от него не ждала.

– Скажи, дорогой, когда кран мне поставишь и по какой цене?

– Фирма гарантирует, а гарантии требуют расходов, – сказал дракон с кудрявой головой и подмигнул женщине.

Снова вмешался вопросительный Знак:

– Объясни мне, пожалуйста, что это такое: гарантии требуют расходов?

– Всё очень просто, – сказала женщина, смотри на мыльный пузырь, он сам тебе всё расскажет.

И действительно, как в кино, на радужной поверхности мыльного пузыря появилось чёрное колесо: оно быстро мчалось по дороге, усыпанной деньгами.

– Откуда столько денег на дороге валяется, – спросил Вопросительный Знак.

Рядом с огромным колесом на пузыре замелькали маленькие фигурки людей. Их карманы были вывернуты наизнанку, а печальные лица застыли в растерянности.

– Как же так?! – возмутился Вопросительный Знак, хотя по природе своей он был очень деликатен и сдержан. Что же будет?

И тут мыльный пузырь не выдержал и лопнул. А такой красивый был, столько картинок нарисовал...

– Послушай, – обратился Вопросительный Знак к женщине, – обычно женщины гадают на короля, а ты каким-то ерундовым краном занимаешься, время тратишь.

– Как можно гадать на то, чего нет, – грустно усмехнулась женщина. А вот от бытовых проблем никуда не денешься.

– Вообще-то в доме эти проблемы решает обыкновенный нормальный мужчина, сказал Вопросительный Знак, выпрямившись и приосанившись.

Женщина смерила его опытным взглядом:

– Вы что, согласны на эксперимент? Хотите потягаться выносливостью с закалённым слабым полом? Ну что ж, попробуем.

На вновь выдутом мыльном пузыре секунды, минуты, годы неслись, как угорелые, наступая друг другу на пятки, сбивая с ног рубли и копейки, ссорились, дрались. Радужные плёнки перекрывались чёрными полосами, внутри пузыря металась женщина, хватаясь за секунды, увёртываясь от юбилейных дат, ловко огибая тёмные препятствия, вставшие на пути, опираясь на крохотные копейки, наряжаясь в радужные платья-плёнки.

– А ну-ка, попробуй так, – сказала женщина и подтолкнула мужчину ближе к пузырю.

Пузырь лопнул, а все секунды, минуты, дни, годы, копейки, рубли посыпались на него разнокалиберным градом, вмиг его изничтожив: от вполне respectable мужчины осталась лишь маленькая чёрная закорючка – Вопросительный Знак, который, юрко освободившись от жестокого времени и разрозненного капитала, одним прыжком достиг раскрытого окна и был таков.

– Ха-ха-ха, – неслось ему вслед, – погадай на короля! Ха-ха-ха!

Проигрыш

В квартире №60 оспаривали звание шахматного чемпиона. Претендовали на него Петров, Иванов и Сидоров, три старых институтских друга, окончивших политехнический институт и определившихся на рабочих местах. Раз в году они собира-

лись вместе вот в этой самой квартире, где Сидоров обитал с женой и детьми. Друзья подгадывали встречу так, чтобы им никто не мешал. Ведь если рядом ходит жена по линолеуму в светлую и тёмную клетку, то очень хочется ходом коня убрать её за выступ стены, а детям пригрозить слоном, – а то повадились из двуцветных кубиков строить замки, а в замках

жили короли, которым можно объявить мат...

Короче, присутствие семейства Сидорова мешало сосредоточенности, и только полная изоляция от всего мирского настраивала на серьёзный бой. Кто нынче победит: сельский механизатор Петров? слесарь автосервиса Иванов? инженер на побегушках Сидо-

ров? – спросил сам себя Вопросительный Знак, скромно пристроившись в чёрном квадрате одной из шахматных досок.

– Победит сильнейший, ответил Петров, почувствовав в себе прилив молодой крови.

– Победит дружба, – сказал Иванов, любитель кругосветных путешествий и импортной добротной одежды.

– Победит интеллект, – пред-

положил Сидоров не то утвердительно, не то вопросительно.

Петров сделал ход пешкой. Иванов сосредоточился и таким же ходом ответил ему.

От глубокого умственного напряжения лопнула молния на джинсовом жилете, но в азарте игры он даже этого не заметил. Сидоров проделал такой же ход на другой доске, как и Петров и, присвистывая, стал думать

вслух: что бы сказали по этому поводу знаменитый российский шахматист Александр Алёхин и шахматный король кубинец Хосе Рауль Капабланка. А не попробовать ли разыграть одну из их партий на международном шахматном турнире в 1927 году? Вопрос повис в воздухе. «Нет, – мысленно ответил Вопросительный Знак. – Пробовать не стоит».

И вот игра в разгаре на всех трёх досках. Сидоров шёл впереди. Но подвела невнимательность, а также сказались и весьма скромные способности. Столько потерь! Пешки, на вас одна надежда! Как ловко иногда вы пробираетесь в ферзи, и тогда наступают ваш королевский час. Держитесь все – от коней до королей!

Дрожит шахматное поле от разыгравшейся баталии. Кто же победит? Почти на подступах к победе Петров, но тут, как на зло, вспомнилось ему ООО «Брешь». Тогда, в девяностых, он молодой механизатор, специалист по сельскохозяйственной технике, да ещё пять «добрых молодцев» организовали компанию с модным тогда названием «Общество с ограниченной ответственностью» или ООО, которое называли «Брешь». Как будто другого названия не было! Говорят, что мысли материализуются. Этого Петров точно не знал. Но, что названия влияют на ход дела, так в этом он воочию убедился: брешь, она и есть брешь. Ничего хорошего из их затеи не вышло. Людей нет, все деревенские отправились на заработки в города. Вот и крутятся они вшестером, как могут, борются с засухой, заморозками, дождями в страду. Да разве можно победить природу?!

Как муравьи, колупаются они на своём клочке земли, а непогода (жара тут какая выдалась, хорошо, не сгорели!), как цунами покрывает и уносит на погибель их труды.

И теперь вот от мыслей не отделаться. Верно гласит народная мудрость: «Готовь сани летом, а телегу зимой». Скоро посевная, а техника не готова. Ремонт её таков, что лучше новую купить, а деньги откуда? От верблюда?

– Гарде королеве, – услышал он сквозь туман своих переживаний.

– Как? – мысли его вернулись от пшеничного поля к шахматному, но было поздно: пал его незащищённый король.

«Одного уработал, – довольный успехом, Иванов распоясаясь, оставшись в коттоновой разрисованной футболке и с размаху (как Остап Бендер в Нью-Васюках) через всё поле сделал шах королю чёрным слоном.

– Ах, – сказал белый король, – как это невежливо, когда животные угрожают королям.

– Разве только животные вам угрожают? – тихо спросил, притаившийся в углу поля Вопросительный Знак, – а пешки?

И тут король увидел грозящую опасность со стороны ничем неприметной пешки и двинулся с места. Иванов ликовав: «Вот она, победа!» Совсем, как на авторамми, когда первым пришёл его автомобиль, собранный из запчастей всех иномарок, Мозг – всему голова! Умному жить да радоваться! Такому умному, как он. Деньги – товар – деньги! Плюс фантазия – равняется – двойные деньги, плюс оборот – тройные деньги! Это вам не в конторе сидеть, инженерные очкарики!..

– Тебе мат, Иванов! – Сидоров протёр очки.

– Что?!!! – взбесился Иванов, – да я твоего короля...

Тут Вопросительный Знак услышал нечто непечатное и, чтобы умерить ярость проигравшего Иванова, обратил внимание на то, что и у Сидорова позиция на третьей доске не из лучших. Петров косил его фигуры, как крестьяне в страду луговые травы. Поле боя было лишено фигур.

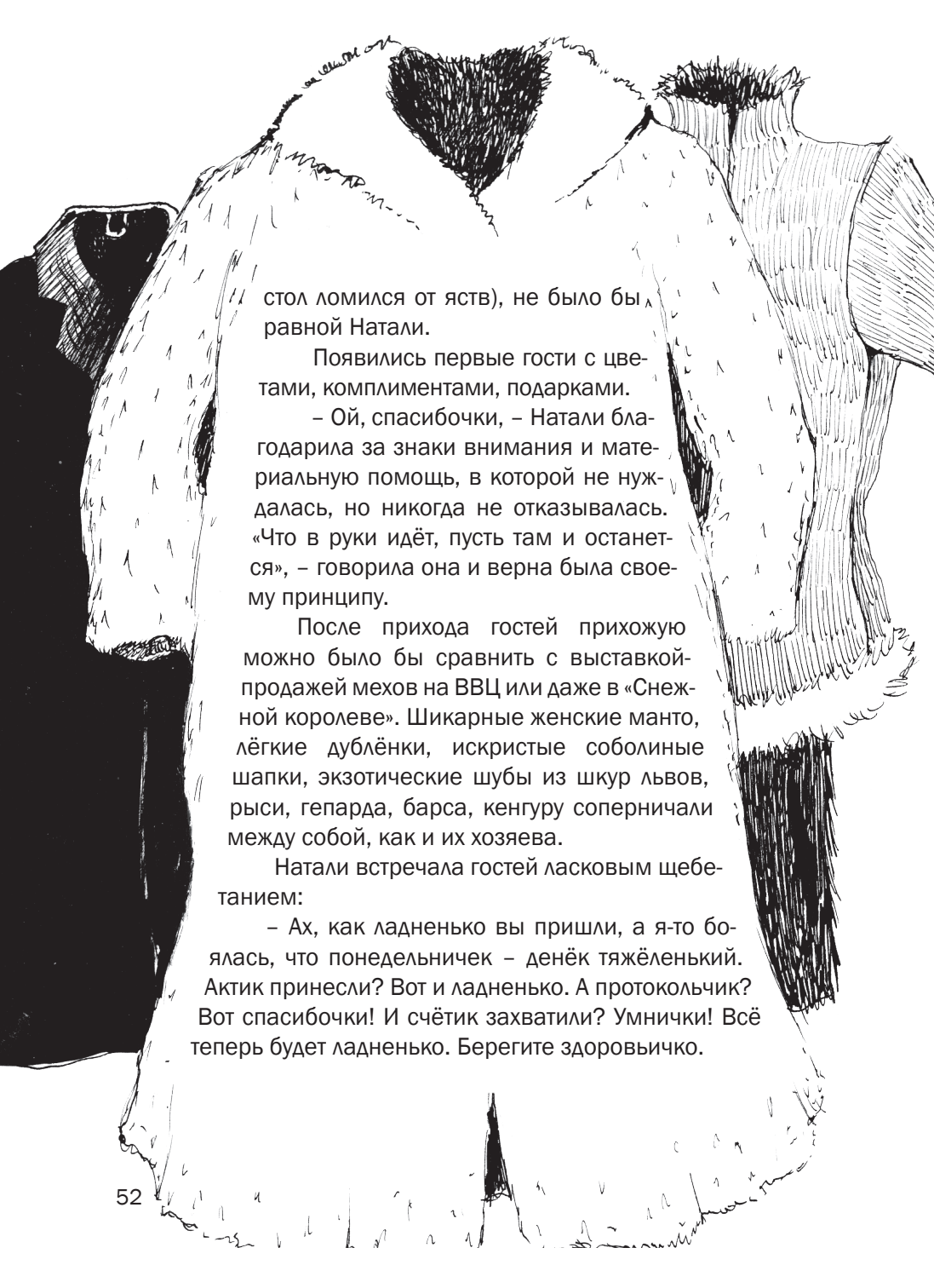
«Как пусто, – подумал Сидоров, – словно в институтской столовой за день до зарплаты». И ему стало грустно, потому что это было ещё одним поражением в его не очень-то удавшейся жизни.

– Кто же победил? – Спросил Вопросительный Знак, выпрямившись во весь рост.

– Да никто, – тихо разом ответили Петров, Иванов, Сидоров, и такая тоска повисла в воздухе, что Вопросительный Знак, не выдержав тягости, ушёл, тихо закрыв за собою дверь.

Кто самый достойный?

Натали, хозяйка дома, свежая блондинка, схожая с удавшимся блином, принимала гостей, уважаемых людей. По части ведения домашнего хозяйства Натали была мастерицей, и, если бы можно было всю жизнь свести к сегодняшнему застолью (а

стол ломился от яств), не было бы
равной Натали.

Появились первые гости с цве-
тами, комплиментами, подарками.

– Ой, спасибочки, – Натали бла-
годарила за знаки внимания и мате-
риальную помощь, в которой не нуж-
далась, но никогда не отказывалась.
«Что в руки идёт, пусть там и останет-
ся», – говорила она и верна была свое-
му принципу.

После прихода гостей прихожую
можно было бы сравнить с выставкой-
продажей мехов на ВВЦ или даже в «Снеж-
ной королеве». Шикарные женские манти,
лёгкие дублёнки, искристые соболиные
шапки, экзотические шубы из шкур львов,
рысы, гепарда, барса, кенгуру соперничали
между собой, как и их хозяева.

Натали встречала гостей ласковым щебе-
танием:

– Ах, как ладненько вы пришли, а я-то бо-
ялась, что понедельничек – денёк тяжёленький.
Актик принесли? Вот и ладненько. А протокольчик?
Вот спасибочки! И счётик захватили? Умнички! Всё
теперь будет ладненько. Берегите здоровычко.

Так, ублажая сладкими словами гостей, она пригласила их в гостиную, обшитую бордовым бархатом. Золочёные зеркала и канделябры, чудом уцелевшие неизвестно от каких прежних хозяев, мебель из карельской берёзы, картины, купленные на аукционах, – всё говорило о достатке Натали. Никто толком не знал, чем она занималась, но все дороги вели к ней, если надо было что-то исправить, достать, продвинуть, продать и купить. И притом официально! Вот в этом-то и была вся загвоздка.

Но не будем смущать молодую, оборотистую хищницу. Джунгли ей судья! Лучше посмотрим, что происходит в прихожей, где шикарные меховые вещи устроили шоу. Решался вопрос, кто самый достойный из присутствующих здесь, У всех были веские причины отстаивать своё достоинство.

– Меня купили на аукционе пушных изделий в Сибири, в Иркутске – сказала шуба из якутского соболя.

А знаете ли вы, что соболь – это товарный знак России. Нигде во всём мире соболь не водится. А у нас – баргузинский, енисейский, амурский. Красота, да и только! Нас покупают итальянцы, греки, китайцы, американцы и другие, у которых есть бешеные деньги. Аукцион – это очень интересно, потому что нас не просто продают, а ещё и очень хвалят. Ах, как хвалили норку, куницу, сурка, бобра, енота, лису, песца, горностая!

– Ещё бы горностая не хвалить?! Царский мех. Императорская мантилья должна была быть отделана только горностаем! Это теперь из нас шьют боа для высокопоставленных особ!

Не удержалось и норковое мантио:

– Меня сшили из таёжной норки, которая не боится даже байкальского ветра култука и морозов. Я самая теплая и красивая.

– Можете спорить хоть до утра, но я, усурыйский тигр, равных по красоте не имею. Уважающий себя мужчина будет ходить только в моей шкуре.

– В бобровых шубах такие люди ходили, что не вам чета, – отозвался мужской полушубок из стриженного бобра, лоснящегося серебром в приглушенном свете прихожей.

Начался шум, сумбур, каждая вещь хвалила себя, выстав-
ляя напоказ действительно изысканно красивый, дорогой мех.
А другого здесь и не было. Всё дело вкуса.

Вдруг хитрая, умная лиса-чернобурка, с красивой просе-
дью, как бывает у дам почтенного возраста, сказала:

– А давайте проведём кастинг: чей хозяин самый досто-
йный человек?

Вещи зашумели, заметались на вешалках, и тут австралий-
ская шуба из экзотического меха кенгуру вдруг тоненько произ-
несла:

– Перфоманс необходим.

Что тут началось! Чуть ли не богатырский рукопашный бой!

– Пойдите, ведь вы же элита! Как можно так себя вести?
Сказал напольный ковёр из шкуры бурого медведя, – такого ба-
зара даже в нашем лесу не бывает.

Вещи смутились при упоминании о том, что они элита. Ме-
ховая. Другие представители элиты могут публично драться, вы-
плёскивать в лицо стакан воды, оскорблять друг друга неприлич-
ными словами. Но это люди. А шубы из драгоценных мехов – это
всё-таки другое. Они себе цену знают. И помнить приличие им
досталось по наследству.

Первой выступила соболиная шуба.

– Мой хозяин – человек необыкновенный. Он давно ре-
шил купить своей жене-красавице шубу самую красивую и
самую дорогую. Сами понимаете, я стою дорого. Вначале он
собирал деньги, но собрать не смог. Повторяю. Я ведь очень
дорогой мех.

Потом он занялся торговлей. И смог собрать большие день-
ги. Но всё ещё было мало.

Тогда он решил украсть деньги из кассы, где работал, а
кражу свалил на другого, который оправдаться не смог и сел в
тюрьму. Как видите, мой хозяин оказался человеком хитрым и
изобретательным, а значит, и достойным.

– Да он простой преступник! – Вскрикнула норковая
шуба! – А вот мой хозяин, действительно сообразительный че-

ловек! Меня купили на самые грязные деньги, на те, которые валяются на мусорных свалках. Свалка, если к ней с умом подойти, больших денег стоит! Главное, во время списать и второй раз завести новые документы. Без жертв. А бумага всё стерпит. Мозгами шевелить надо, как мой хозяин, достойнейший человек!

– Подумать только, в какую компанию я попала, – поморщилась мужская львиная шуба, и поежилась гривастым воротником, – Ведь деньги можно так красиво зарабатывать натурой, например, стриптизом...

– Совершенно верно, или, например, эротическим массажем, – поддержала её изящная женская шубка из рыси.

В это время в прихожую неожиданно вбежал муж хозяйки норковой шубы, снял её с вешалки и помчался демонстрировать присутствующим.

– В Доме моделей? Ха-ха-ха! Где вы видели такую красоту? Мария, облачись, пройдишь королевой, ублажь мужа.

Мария, собрав аплодисменты, небрежно скинула шубу, которую подхватил её муж и, провожаемый лъстивыми улыбками, отнес её в прихожую.

Шуба, довольная успехом в обществе, вернулась на своё прежнее место.

– То-то, – гордо сказала она все остальным вещам.

– Нашли, чем хвалиться, Да мой хозяин таких, как вы, может штамповать по сто штук в день, – гордо сказала шуба из нерпы.

– Да ну?! – удивились присутствующие!

– Да ну?! – спросил Вопросительный Знак, внезапно появившийся тут. – Как же это так?

– Да, – со спокойным достоинством ответила нерповая шуба. – У моего хозяина – золотое дно.

– Как это? Как это? – снова зашумели вещи, отлично понимая, что разговор не имеет иносказательной формы, – тонкостями языка никто в компании вещей не щеголял.

– Да, золотое дно, когда он на золотых приисках, когда на изумрудных – изумрудное, когда на рубиновых – рубиновое. Он

себя уважает: берёт только самородки и большие камни. Как только находит уникум, сразу же даёт ему...

– Название? – не выдержал Вопросительный Знак.

– Как бы не так! Тайный ход даёт ему. А навстречу – деньги, деньги. Конечно, работа опасная, никто не говорит, что просто, но друзья помогают. Мир не без добрых людей. Всем ведь хорошо жить хочется. Как говорится : жить хорошо, а хорошо жить – ещё лучше.

– А хорошо, это – как? – не унимался Вопросительный Знак.

– Чтобы было много, очень много и ещё больше денег, – и шуба развела рукавами, показывая необъятность желания, и запела: «А без денег жизнь плохая, не годится никуда».

Ей подтянули и другие шубы.

Вопросительный Знак задумался. Недавно он был в гостях у молодой инженерной семьи и видел, как нелегко им приходится выкручиваться. Но он видел ещё и их глаза: умные, грустные, чувствовал подлинное достоинство в интонациях голоса. А на вопрос, как им живётся, ответ был очень простой: «Во все времена интеллигентам жилось нелегко. У нас потомственная закалка».

Помолчав немного, Вопросительный Знак обратился сразу ко всем вещам:

–А вы думаете, что ваши хозяева всегда так будут жить? А не боитесь, что когда-нибудь вас продадут с молотка?

– Ха-ха-ха! – расхохотались вещи, – сам пришёл с улицы в простой чёрной шубейке из обычного магазина, наверное, университет закончил на «отлично», того-то и в очках, и лысый, преподавателем работает, ха-ха, зарплату получает, ещё раз ха-ха на вашу зарплату, да ещё, наверное, думает, что он самый умный, ха-ха! Да умом и трудом одни дураки деньги (да какие там деньги!) зарабатывают. А наши хозяева ни в огне не горят, ни в воде не тонут.

Тут соболиная шуба задиристо замахала рукавами, норось сбить очки с лысого очкарика.

– Подумаешь, разошёлся тут, видели мы таких на улицах, на трамвайных остановках, Ишь ты, ещё и глазами сверкает, как фонарями!

Хохот усиливался. Другие вещи тоже стали задираться. А шапка, которую приобрели на специализированной выставке головных уборов CHAPEAU в Гостином Дворе в Москве, бросилась ему на голову и, как обручем стиснула виски. Шикарное манто из черно-бурой лисицы изловчилось и схватило когтями лапок, спадающих на грудь, очки.

Два ярких огонька мелькнули в глазах Вопросительного Знака, и свет от них, пройдя через стекла очков, сконцентрировался прямо на левой груди драгоценной шубы. Мгновение – и она вспыхнула. Ещё мгновение – и пламя охватило всю выставку дорогих, роскошных шуб. Содрав со своей головы впившуюся соболиную шапку, он бросил её в бушующее пламя и вышел через вентиляционную трубу, плотно закрыв за собой задвижку.

Рахматулла

В подвале тысячеквартирного дома, в подсобке дворника Мурзы жили таджики. Низкий тёмный потолок, выкрашенный масляной краской, тяжело нависал, и время от времени с него падали капли конденсата. Тусклая лампочка, защищённая металлической решёткой, горела неровно, вздрагивая при каждом стуке и шорохе. Было душно и смрадно. В углу, рядом с лопатами, ломом, шлангом стояла «параша». А чуть поодаль – кран с горячей (!) и холодной водой.

Горячей водой таджики заваривали чай. Спали на упаковочных ящиках. Работали на стройке без выходных и зимой, и летом, рано уходили, ночью возвращались. Прятались ото всех. Тюрьма, да и только. Вернее, худший вариант тюрьмы, потому что там кормили и был обозначен срок выхода. Здесь же кон-

ца не было видно, а кормились, как придётся, старались почти весь заработок отправлять домой, своим большим семьям. Что поделаешь, судьба такая. Вернее, время такое.

Вернувшись в подвал, Рахматулла буквально повалился на ящик и забылся тяжёлым сном в усмерть усталого человека. Со двора доносились голоса, судя по всему, гуляли туристы, пели походные песни. Кто-то высоким голосом затянул когда-то модную песню Юрия Висбора «Я сердце оставил в Фанских горах». Рахматуллу будто током пронзило сквозь сон. Фанские горы, Памир, Душанбе, дом, Мавжуда и пятеро их детей. Саям и Эркин совсем взрослые, возмужали, пока он тут на заработках. «А дочери, звёздочки мои, что будет с вами?» По лицу Рахматуллы текли слёзы. Он вспомнил, как в феврале, когда зацветает урюк, они выезжали всем семейством в горы. Брли казан плова из молодого барашка, укутанный в козью шкуру, бурдюк старого вина и, разложив ковры, усаживались пировать. Вяленая дыня, подсохшие, сладкие гроздья винограда, пахлава, халва, рахат-лукун, козинаки, зелёный листовый чай. Да, хорошие были времена...

Мавжуда в красном сатиновом платье, надетом на другое, светлое, и подпоясанное тесьмой «гашник», в полосатых шароварах из бекасаба, в лёгких, мягких сапожках кайроки из козловой кожи танцевала с бубном, обтянутым кожей, с погремушками вокруг. Ах, какая она была красивая! Косы чёрные, атласные,

чуть не до пола, «полумесяцем бровь, на щёчке родинка», – это про неё песня написана. Как ты танцевала, Мавжуда, не останавливай! И пела, и в бубен в такт танцу ударяла. Дети вокруг тебя щебетали, как птички, порхали, как бабочки. И у него, Рахматуллы, был зелёный халат из сукна – джама, подпоясанный длинным кушаком – фута, вышитым на концах, штаны – эзор. А как шла ему чалма «салла», навёрнутая на тюбетейку. Недаром все в округе говорили, что они с Мавжудой – самая красивая пара. Ах, какое это было счастливое время!

Мавжуда, Мавжуда, время жестоко тебя изменило! Косы свои, седые теперь, спрятала ты под чёрный никаб. А тюбетейку, вышитую бисером, спрятала надолго.

Рахматулла встал, заварил пакет дрянного чая «Красная цена», повернулся, чтобы присесть за ящик-стол и вдруг увидел незнакомого человека, одетого во всё чёрное.

«Снова поборы», – подумал он, – кому: пожарникам, электрикам, сантехникам, чтоб молчали, не натравливали».

– Куда, кому и сколько? – коротко спросил он.

– Чаем угостите? – спросил незнакомец.

– Чая не жалко. Присаживайтесь.

– Чёрный пьете?

– Жизнь чёрная и чай чёрный.

– Да, трудно вам здесь. Дома чего не сидится?

– Работы нет, денег нет, семья большая.

– А прежде?

– О, раньше в достатке жили. Я – строитель, жена моя – учительница. Дом у нас большой, хороший, сад, виноградник, посреди двора – чинара растёт, под нею – ковры, чайники. Мы тогда с семьями русскими дружили, они приходили к нам в гости, чай листовой зелёный пили.

– Это тот, что розами разворачивается?

– Тот самый, под номерами идёт: 100, 101, 102. Целыми вечерами сидели, ваши песни пели: «Подмосковные вечера» и «Катюшу». А потом между нами разожгли вражду, разбили нашу дружбу, выгнали русских. Не народ это сделал, а большие на-

чальники. Зачем? Говорили, вот не будет русских, у вас будет работа, зарплата. А где, когда? Хлопок сам не растёт, руки любит, работать некому, план не выполняем. Денег нет. Арбуз, дыня растёт, везти далеко – бензин дорогой. Плохо живём. Школы часто закрыты. Русскому языку детей не учат. Английскому больше.

– Раб должен знать язык своего господина, – вдруг сказал незнакомец. – Враг коварен и силён. Он, как короед: внедряется в кору, съедает её, а потом дерево валится.

– Что ж делать? Какая горемычная судьба у нас!

– Не только у вас. Нарушен ход времён.

– Что же нам делать?

– В Библии сказано: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

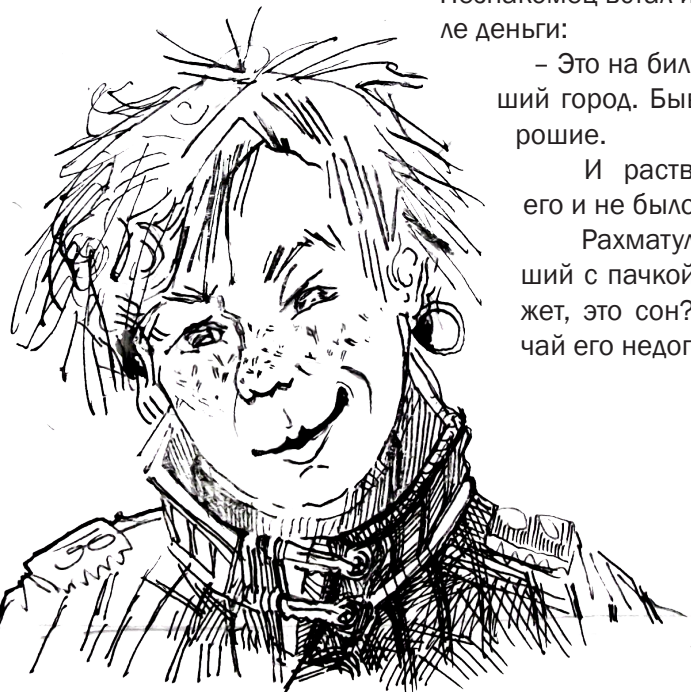
– Да как же я его возлюблю?! По улице ходить страшно, Бандиты бритоголовые, скинхеды, увидят и кричат: «Чёрный пошёл! Бей его!» Сколько наших здесь погубило и никто не наказан. Какая уж тут любовь! Вот, думаю, поеду на праздники домой, да и останусь. Всех денег не заработаешь, а если вдруг убьют, что будет делать моя Мавжуда без меня, как она ребят в люди выведет.

Незнакомец встал и протянул Рахматулле деньги:

– Это на билет в Душанбе. Хороший город. Бывал там. И люди хорошие.

И растворился. Как будто его и не было.

Рахматулла стоял онемевший с пачкой денег в руках. Может, это сон?.. Да нет же: вот и чай его недопитый.

Школяр

В квартире №50 шло сражение двух поколений: бабушки и внука.

– Что ж ты написал, дурья твоя башка, про Ивана Грозного?

– А чё? То и написал, что знал:

Иван – предков, то бишь отцов, кореш из горного государства Грозного, куда мой предок больше ни ногой, не то зашибут, пока да там столетняя война идёт. Чё не так? Чего дерёшься? – увернулся внук от книжки, которой бабушка на него замахнулась.

– Ты, олух, если в книжке прочесть не можешь, то хотя бы в своём неразлучном компьютере нарисованного Ивана Грозного увидел да узнал бы, кто это. В России ведь живёшь.

– Тоже мне: «Нарисованного!» Сколько раз говорил: виртуального! Темнота беспросветная. А ещё, подумаешь «Коренная москвичка», – передразнил он бабушку. Но та не отставала:

– А насчёт памятников Москвы ты что в тестах набуровил? Где ты видел Пушкина на коне?

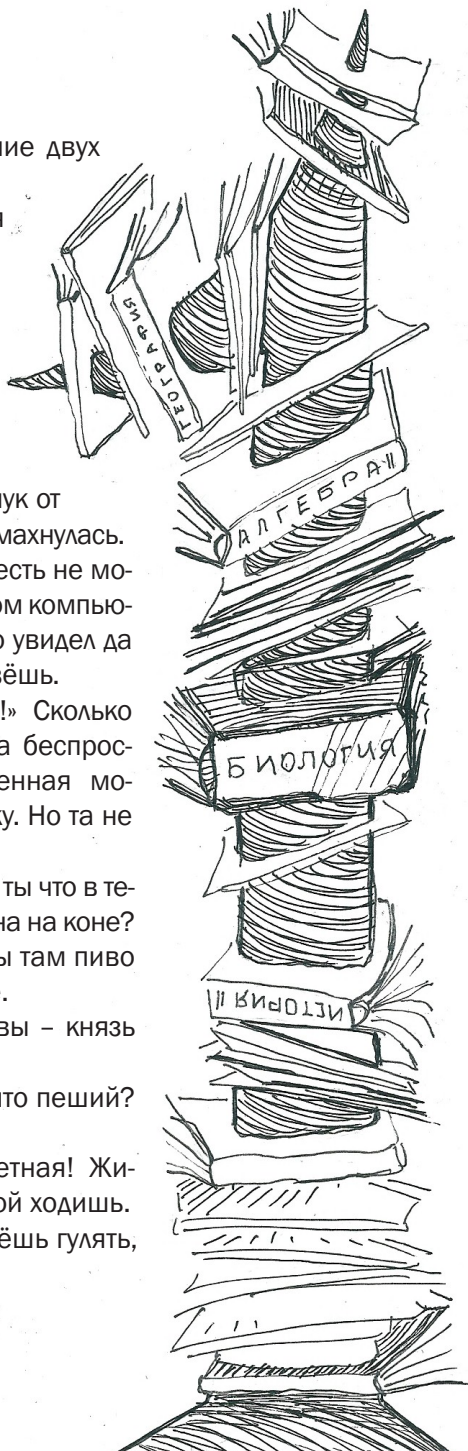
– Напротив красного дома. Мы там пиво пили. Весь чёрный на чёрном коне.

– Так это же основатель Москвы – князь Юрий Долгорукий.

– Ну, а тогда Пушкин где? Он что пеший? Без коня?

– Вот где темнота беспросветная! Живёшь в Москве, а по ней, как слепой ходишь.

Стыдоба, да и только. Не пойдёшь гулять,

пока уроки не сделаешь, – сказала бабушка, взяла задачник по математике и прочла условие задачи:

«На одном конце нефтяной трубы сидит нефтяной король А, а на другой – нефтяной король В. По трубопроводу длиной $L=10\,000$ километров с сечением S проходит нефть с плотностью D со скоростью V . Спрашивается:

1. Чей финансовый индекс больше – нефтяного короля А или нефтяного короля В?

2. ВВП какой страны вырастает в процессе перегона нефти?

3. Каков прогноз изменения курса валют на ближайший год?

4. Сколько нам ещё осталось жить?

Последний вопрос поставил бабушку в тупик. Подумав и пригорюнившись, она сказала:

– Да сколько кому Бог даст, столько и будет.

А потом добавила:

– А вот внуков жалко.

– Да, матушка, это так – сказал вдруг неожиданно и неизвестно откуда появившийся странный человек, как будто вышедший из другого столетия, нет, нет, – не из двадцатого, а откуда-то из средневековья. Он был одет в длинные одежды, отороченные мехом, с посохом, инкрустированным цветными камнями, а на голове у него... что это? Да прямо-таки шапка Мономаха! Бабушка отложила задачник, – не до перегона нефти, – и остолбенело смотрела на вошедшего: не Новый год, значит, не Дед Мороз.

– Не как царь? – наконец, заикаясь, пролепетала бабушка.

– Аз есмь, матушка. Слышал я, внук твой учится грамоте неважно.

– Батюшка, вообще не учится, от рук отбился, за компьютером сидит, пиво пьёт, с рокерами улицу прочёсывает.

Из другой комнаты появился внук, и ляпнул:

– Во, у бабки крыша совсем поехала, чувака привела. А палка прикольная. Дай палку! – и протянул руку к посоху, но пришелец резко остановил его:

– Ты, говорят, уроки не учишь, грамотой не овладеваешь? Про царей наших российских не ведаешь! Про царя Ивана Грозного что сказать можешь?

– Да на фиг мне знать о каком-то там царе-хмыре Иване Грозном? У него шестнадцатый век, лапотный, у меня двадцать первый, компьютерный. Надо будет, я его из Интернета с кишками вытащу и на кол посажу! Подумаешь, Грозный. Сам-то откуда взялся. Палку дай и валяй отселе!

– Это так-то ты с царём разговариваешь?! – и ударил посохом так, что все учебники и тетрадки взлетели до потолка, а потом плюхнулись на пол, больно ударив школяра.

Школяр притих и покосился на посох: камни, вделанные в него, смотрели на школяра злыми глазами.

– Чё-й-то такое? – Еле пролепетал он, присмиривши от испуга.

– Разум у тебя невелик, коль царя Ивана Грозного не узнал.

– Откуда?.. Какого?..

– Виртуального. Из твоего компьютера.

– Во! Чё, правда, што ль? Ё-моё, «гугл», блин, выдал живьём.

С потрохами (тихо добавил он).

– А теперь ответ держи: как ты живёшь на Руси святой?

– А никак. Я в Америку слиняю.

– Да кому ты там нужен, – всхлипнула бабушка, – только и бредит этой Америкой, чтоб она сгорела!

– А что тебе там надо на чужой земле? Али своя хуже?

– Там – свобода и халява. Там буду бабки хавать.

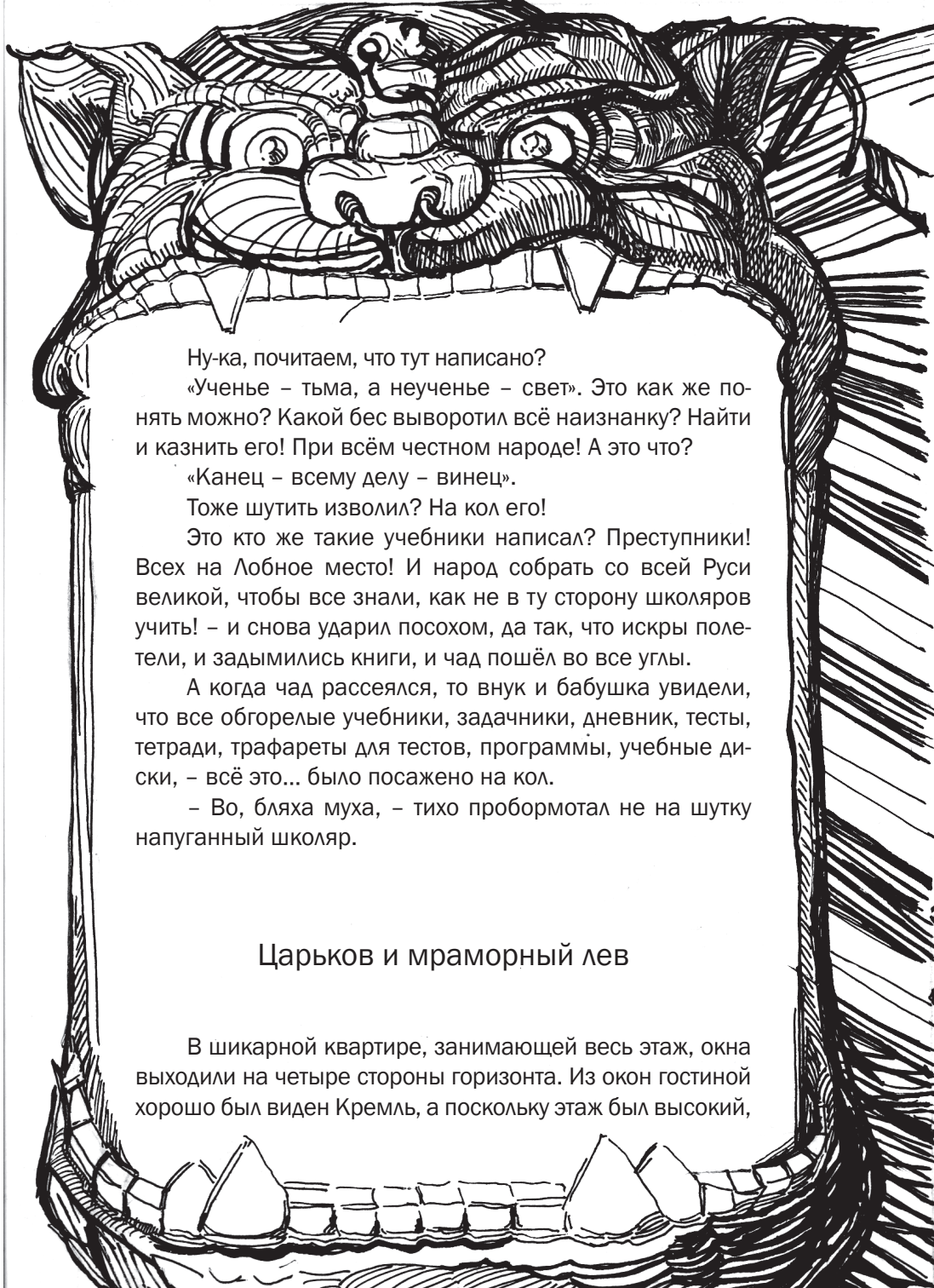
– Ишь, чего захотел! А Россию кто защищать будет?

– Рабы. Гастербайтеры. Лохи, которые не спикают по-английски. А я в этой долбанной спецшколе недаром учусь, а чтоб туда и поехать.

– То, бишь, ты рабом туда, другие – сюда. А не хочешь науки выучить, чтобы хозяином здесь быть. Вон сколько у тебя книжек разных! – сказал он и взял одну из них.

– Что это: «разность квадратов двух чисел равна сумме их квадратов»? Такого не может быть.

А это что? Посмотрим. Русская грамматика. Отменно! Пословицы и поговорки. Вот она наша мудрость народная! Гордость наша российская, за многие века собранная! Ни одно поколение уму- разуму да твёрдому характеру на наших пословицах училось.

Ну-ка, почитаем, что тут написано?

«Учение – тьма, а неученье – свет». Это как же понять можно? Какой бес выворотил всё наизнанку? Найти и казнить его! При всём честном народе! А это что?

«Канец – всему делу – винец».

Тоже шутить изволил? На кол его!

Это кто же такие учебники написал? Преступники! Всех на Лобное место! И народ собрать со всей Руси великой, чтобы все знали, как не в ту сторону школяров учить! – и снова ударил посохом, да так, что искры полетели, и задымились книги, и чад пошёл во все углы.

А когда чад рассеялся, то внук и бабушка увидели, что все обгорелые учебники, задачники, дневник, тесты, тетради, трафареты для тестов, программы, учебные диски, – всё это... было посажено на кол.

– Во, бляха муха, – тихо пробормотал не на шутку напуганный школяр.

Царьков и мраморный лев

В шикарнейшей квартире, занимающей весь этаж, окна выходили на четыре стороны горизонта. Из окон гостиной хорошо был виден Кремль, а поскольку этаж был высокий,

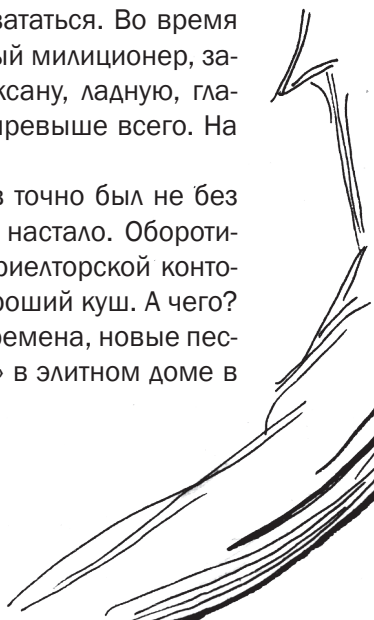

то можно было смотреть вдаль поверх Кремля. В квартире всё было грамотно продумано до мелочей: где и как увлажнять фонтанами воздух, как его вентилировать, подогревать.

Бассейн очищался по специальной технологии, взятой в Германии. Немцы в чистоте толк знают, не подведут. В зимнее ненастье приятно было посидеть в кресле-качалке у камина, возле которого распластался мраморный лев. Китайцы знают толк во львах, у них они на каждом шагу. Говорят, что в Китае львы символизируют богатство. Вот и хорошо. Именно богатство Царьков ценил превыше всего.

Царьков вылез из бассейна и залпом выпил рюмку водки. Ему хотелось поскорее прогнать от себя сон, надоедливо теребящий его. Надо же, столько лет прошло, а ему всё снится его каморка возле котельной, где он работал истопником, приехав из деревни в столицу. Когда-то на селе он первым парнем слыл, да ещё и гармонистом. Плясал – земли под собою не чуял. Но деревня зачахла, и отправился он на заработки в Москву, да и осел там. Случай подвернулся и ушёл из котельной. Уж больно грязно и чадно было там. Другое дело – в милиции, где самый захудалый милиционер чувствует себя большим начальником. Если, например, с беззащитным говорит. Это там он смекнул, что с миру по нитке – голому рубашка. Время шло, и стал он о семье подумывать, чтобы покрепче укорениться. Настало время свататься. Во время дежурства на Новый год он, как участковый милиционер, зашёл в Дом культуры. Там заприметил Оксану, ладную, глазастую и всю в золоте. Золото он ценил превыше всего. На золоте и женился. С квартирой в придачу.

Тут подоспела перестройка. Царьков точно был не без царя в голове и смекнул, что время его настало. Обратистый и жуликоватый, он стал работать в риелторской конторе. Одна-две махинации, и он получил хороший куш. А чего? Им квартиры нужны, а мне нет? Новые времена, новые песни. И вот уже «полным-полна коробушка» в элитном доме в центре Москвы.

Но чем дальше, тем больше хочется. Вот если бы он был директором фирмы по продаже недвижимости, то стал бы по-настоящему богатым и, следовательно, уважаемым человеком. Но как? Как убрать начальника? Какое у него слабое место? Сердце. И пьёт.

Вот с этого и начать. Уж какими кругами ходил он вокруг него, уж какие приношения ему делал! Нет. Никак. Надо в дом войти и поить, поить всем подряд и между делом поставить «палёную водку», бутылку-убийцу. А что? Кто узнает? Срок пришёл, пил, болел, Бог дал, Бог взял. Шестьдесят лет прожил, грешил, хватит, другим дай.

Дал. Стал Царьков генеральным директором фирмы по продаже недвижимости. Кабинет – такого Наполеону не снилось! Потолок зеркальный, на полу – ковёр китайский, в нём каблучки Ниночки-секретарши так и утопают. Идет Ниночка, с кофе к нему, на подносе, а он хлопнет её по заднице, мягкой, как китайский ковер, так и зардеется она от радости, а сама в мечтах, вот бы ей мужа такого. Перебьётся! Дураков нет. Дураки в прошлом веке в деревне остались. Впрочем, сейчас и деревни-то нет.

После бассейна и выпитой наспех рюмки водки Царьков накинул махровый халат и прошёл в каминный зал. Взяв кубинскую сигару, он вальяжно развалился в кресле-качалке у тёплого камина.

Надо было что-то делать. Мысли путались, а страсть пёрла вперёд, взывала, хлестала, увещевала, устрашала. Чего ей надо, страсти-то этой?

– А действительно, чего ей надо? – спросил вдруг неизвестно откуда появившийся незнакомец в чёрной одежде, цилиндре, белых лайковых перчатках, глянцевого ботинках, в которых отражались разноцветные сполохи хрустальных люстр.

Царьков инстинктивно нажал кнопку сигнализации. Отключена.

– Рекс!

Пёс примчался мгновенно.

– Фас! – крикнул Царьков визглявым, не своим от страха, голосом.

Но пёс, подойдя к незнакомцу, дружелюбно лизнул его глянецвый ботинок и лёг рядом.

– Вот видите, отвечать придётся, – сказал незнакомец.

– Вы, собственно, кто? Берите сколько вам надо и уходите.

– То, что надо от вас взять, возьму не я. Но до того, как это произойдёт, скажите, разве вам мало того, что есть. У вас же всё есть.

– «Всё» никогда не бывает. И не надо меня воспитывать. Берите своё и уходите.

– Здесь не моё, а украденное у многих убитых вами людей.

Он помолчал немного и добавил:

– Я пришёл, чтобы сообщить вам две неприятные новости. Первая – на ваше имущество наложен арест. Вот ордер на арест. Вторая – банк в Литве, где хранятся ваши крупные вложения, обанкротился. Вот документ, извещающий вас об этом.

Рука Царькова, протянутая к бумаге, вдруг резко упала плетью, лицо побледнело.

Он почувствовал, что в грудь будто врезалась молния. «Откуда она взялась», – успел подумать Царьков и рухнул рядом с мраморным львом. Душа, покидая своё родное тело, видела свернувшегося в комок Царькова, обнимающего мраморного льва. В окна каминного зала, выходящие на запад, заглянули последние лучи заходящего солнца. Через несколько минут солнце зашло за горизонт, и наступил мрак.

Весёлая компания

На тридцать пятом этаже жил двадцатилетний Ваня Козлов, именовавший себя не иначе как «Джон Браун». Родители оставили его, 17-летнего студента иньяза, отправившись на заработ-

ки за границу, чтобы обеспечить будущее сына. А тем временем от Вани уходило настоящее, с каждым днём приближая его к пропасти отчаяния, депрессии, раздумий о бессмысленности жизни. Каждый вечер здесь собиралась весёлая компания парней и девчат. Отношения свободной любви, давно установившиеся среди них, ни к чему не обязывали и всех устраивали.

Впросительный Знак вошёл в квартиру вместе с группой прилично подвыпивших ребят. Одного из них буквально еле волокли. Он матерился, но стать на ноги не мог. Парни подбадривали его, говоря: «Ну, ладно, хорош», он повторял: «хорош» и валился с ног. Кое-как добрались.

Впросительный Знак внешне был «свой в доску»: драные чёрные джинсы в заплатках и так просто, с дырами, чёрная футболка, а на ней огромный белый впросительный знак, на руках от локтя и ниже красовались разухабистые цветные татуировки, блестели фальшивыми камнями серьги – одна в ухе, а вторая – в носу.

Девушки тоже были в сборе, они сидели на ковре и по очереди курили кальян. Слегка забалдевши от табака, они стали передавать по кругу косяк с марихуаной, запах которой стелился по всей квартире. Ухаживания парней успеха не имели – ничего нового, неинтересно.

– Как ничего? А вы видели фильм «Welcome to Thailand»? Нет? Тогда смотрите!

3D, надевайте очки!

Фильм был снят в весьма сомнительном заведении, похожем на цирк. Только в цирке все в блестящих одеждах, верхом на конях, на тиграх, на львах. А здесь – без ничего. И публика отличалась: в цирке всё больше дети да их молодые родители, а здесь, в порно, – лысые, толстые дядьки, смотрят – не посмотрят, авось, да поможет...

– Ха-ха-ха! Тоже мне новости принёс! Не видел что ли? Ну, ну! Тайцы только обличьем другие, а там у них всё, как у нас. А я вон какую штуку привез, – и парень, которого все называли Пьер, вытащил из кармана плоскую керамическую кружку.

– Откуда такая? – парни и девицы обступили Пьера, рассматривая, что на ней было изображено.

– Из Перу. Там раскопали керамику двухтысячелетней давности, и все чашки, плошки, кувшины – на эротическую тему. Они, говорят, были большими спецами насчёт трахаться.

– Говорят, что они, теперешние, спецы и насчёт кокаина? Не перепало?

– А то как же! – и он вытащил маленькие пакеты с белым порошком. – Фирма гарантирует! Там у них целые поля кокой засеяны. Они днём и ночью эту травку жуют. Но от неё проку мало. А вот, когда из неё это сделают это, – он указал на порошок, тогда класс!

– Ну, ты дока! И порошок, и чашка!

– Ну, конечно, эта чашка теперешная, но сюжет, сами понимаете, тот самый.

– Во дают! А как это? Попробовать надо, – парни смеялись, подталкивая девушек поближе рассмотреть, что там вылеплено.

На чашке был изображён мужчина и женщины, которые...

– Вот это класс! Во даёт!

– Ну, кто готов класс показать?

Начался шум, смех, подковырки.

– Джон, а ты готов!

– Всегда готов, – хвастливо сказал Джон, но в голосе его была тоска и подавленность. – Ну, циркачки, с кем пирамиду строить будем?

Вопросительный Знак сходу заметил девушку, сидящую поодаль от всех. Она курила папиросу, и дым отделял её от всей компании.

– А ты тоже хочешь в пирамиде быть?

– Нет. Я сегодня не могу. У меня критические дни, – запросто сказала она тоном, которым говорят, ну, например, о погоде на улице.

– А чего же ты сюда пришла?

– Чтоб дома не сидеть. Надоели воспитатели.

– А здесь тебе хорошо?

– Ну да. Покурить хочешь? – и она предложила ему свою папиросу, набитую гашишем. Он отказался.

– Колешься?

– А ты? – спросил Вопросительный Знак, уходя от прямого ответа.

– А я по полной программе. Гулять, так гулять.

– А лишку не боишься?

– Чему быть, того не миновать, – сказала она и вдруг завалилась к нему на грудь.

Вопросительный Знак слышал её неровное дыхание и хрипы.

– Тебе плохо?

– Бывало и хуже, помнишь, тогда...

Неожиданно она подняла голову и спросила:

– А ты откуда взялся? Я тебя не знаю. Ты вроде не наш. Кто тебя привёл?

– Джон.

– И всё равно ты не наш.

– Почему ты так говоришь?

– У наших зрочки, как блюдца, а у тебя в зрачках какие-то закорючки бегают.

Она посмотрела на него своими ошалевшими от наркоты глазами и вдруг перевела взгляд на окно:

– Ой, смотри, что вытворяют!

Джон стоял на подоконнике распахнутого настезь окна, а прилепившиеся к нему девушки, совсем как на перуанской чашке, тащили его в разные стороны. Мгновение, и пирамида рухнула в чёрную пропасть ночи.

– А-а-а-а-а-.....

Девушка окаменела.

– Что это?

– Это смерть, – сказал Вопросительный Знак и, мгновенно облачившись в чёрную мантилью, взял девушку за руку и прошёл с нею сквозь стену прямо на улицу. Там он оставил её.

Она стояла, как каменная, уцепившись за столб и, еле шевеля губами, шептала:

– Это всё глюки, не хочу больше,
страшно...

Депрессия

*Из-под рук родник уходит,
Плохи ноги, плохо ходят,
Глухи уши – не прослушать,
Глаза слепы – где ты, где ты?*

*Над мостом туман повис,
Как убитый старый лис,
Перепутался верх-низ,
Криво смотрит вниз карниз.*

*Острый угол тут и там,
Что ни шаг – то по углам
Метишь руки, ноги, спину,
Нагнетается кручина.*

*Перерезаны артерии
Памятью и долгой верою
В то, что было просто так,
Просто так наискосок.*

*Жестко ритмы отбивая,
Будущность идёт иная.
Кто? Куда? Сама не знает,
Шприц дорогу расчищает.*

*Добродетель, ум завесой
Чёрной, плотною завешены.
Мимо жизнь, как сон тяжёлый,
Захвативший смысл в оковы.*

Юбилей

В квартире №81 праздновали 70-летний юбилей большого учёного. Как и полагается, собрались родственники всех поколений, друзья, коллеги. В большой квартире с высокими потолками едва хватало места для книжных полок, шкафов, забитых книгами, журналами, альбомами.

Близкие родственники суетились вокруг стола, заканчивая последние приготовления. Застолье походило своим размахом на те пиры, которые устраивались в «Яру», где бывал Пушкин или в «Савое», почитаемым Чеховым. Русская традиция – гостеприимство и хлебосольность – издавна жила в этом доме.

Вместе с приглашёнными многочисленными гостями незаметно прошёл и Вопросительный Знак, обвешанный аппаратурой. Сегодня он был «фото-теле-радио-репортёром». Гости расселись по местам, и тамада (грузин аспирант) взял бразды правления в свои руки.

– Выпьем за здоровье юбиляра, который за свою долгую и красивую жизнь сделал всё, как надо: посадил дерево и не одно, а сад на даче, вырастил сына, вот он, Павел, продолжатель дела отца, выстроил дом, этот дом – наука, развитая вширь и вглубь нашим глубокоуважаемым Петром Аристарховичем.

Последовали аплодисменты. А тамада продолжал:

– Но многое могло бы не получиться, затянуться, затеряться, как бывает иногда в жизни, если бы рядом с ним не было Веры, Надежды и Любви – его замечательной жены Людмилы Максимовны. Поднимем же бокалы за юбиляра и его верную супругу, так как они неразделимы.

Репортёр недолго оставался в забвении. Незаметно он пристроился рядом с юбиляром и под маркой «алаверды» стал брать у него интервью.

– Скажите, пожалуйста, Петр Аристархович! Как вам удалось столько сделать для науки и остаться в великолепной форме, будто вы не в Москве живёте, а на Северном Кавказа среди джигитов?

– Это объясняется тем, что в своей жизни я был верен всегда только трём дамам.

– Как это? Кто же они?

– Первая дама – это моя мама, светлая ей память. Она была учительницей и приучила меня к труду, дисциплине, порядку и ответственности. Она объясняла, как надо, а отец (и ему светлая память) был живым примером мужества и чести. Он говорил так:

Уроки мужества учите сами.

Друзей, товарищей не будет с вами.

Экзамен мужества сдавайте сами.

Экзамен мужества не сдать словами.

– Вот так меня воспитывали дома. Приучили быть за всё в ответе. Спросите, кто же вторая моя дама? Это – моя замечательная супруга Людочка. Вместе мы прошли по большой жизни, и горе, и радости встречали мы на пути.

– Да, конечно, понятно, только так и должно было быть. Но, кто же третья дама?

– А третья – наука физика. Самая широкая, самая глубокая из всех наук. Нет ей равных. И чем больше познаю, тем глубже и необъятнее становится она для меня.

Их разговор прервал нетерпеливый тамада:

– Всё, о чём вы говорите, конечно, очень интересно. Но стол, посмотрите, какой стол! Взывает к вам!

И тут он показал, на что способен грузинский тамада. Он сходу сочинял и артистично декламировал свои четверостишья:

Щедрое застолье – яства!

Их здесь не просто перечить:

Салаты, артишоки, сласти,

Икра, конечно, тоже есть.

*Маслины, спаржа и оливы,
И кулебяки всех мастей,
Лосось, осётр большой, красивый,
Суши, бобы и сельдерей.*

*Фазан и лебедь, куропатки,
И утки, рябчики, соленья.
Ваш кулинар умелый, хваткий,
Ну, самородок, без сомненья*

Смехом и шутками осыпали собравшиеся тамаду, а он продолжал:

– Как и у нас в Грузии, закуска дана для того, чтобы выпивку похвалить!

*А кто про выпивку забыл,
Тому не сдобровать!
Заздравна чаша – её пыл –
Застолье поддержать!*

*«Мерло», «Алиготе», «Портвейн»,
«Кинзмараули», «Джин».
О Бахус, от лозы налей,
Ведь пир неудержим.*

*Ликёр, «Массандра» и «Мускат»,
Коньяк, и виски, ром,
«Шампанское»! Здесь каждый рад
Прославить стол и дом.*

С ответным тостом встал хозяин дома и произнёс:
– Мне кажется, что все мы сейчас убедились в том, что наш уважаемый тамада Георгий также неисчерпаем, как и атом. Если мы его не усадим за стол, то он не сможет вкусить яств его, что было бы ошибочно и недопустимо. Я предлагаю выпить за

всех присутствующих. А мою дорогую Людочку попрошу аккомпанировать мне. Я хочу подарить Вам мой любимый романс.

Людмила Максимовна подошла к старинному роялю, а Пётр Аристархович, приосанившись, стал рядом в позу оперного певца и запел:

Гори, гори, моя звезда...

По совету руководителя студенческого театра после окончания университета Пётр Аристархович поступил учиться в консерваторию по классу вокала. Успешно закончил. Но на сцену не вышел. Не оказалась сцена для него «четвёртой дамой». Он верен оставался трём.

Ну, как было не славить юбиляра! Сколько талантов дала ему природа, сколько трудолюбия и умения всё доводить до конца.

Выпивший и наскоро закусивший тамада вновь вернулся к исполнению обязанностей:

– Стол, как при Иване Грозном. Но не было бы никакого стола, если бы изначально всем не руководил Пётр Аристархович. Не, нет, не говорите, что вы к этому отношения не имеете. Вы – идейный наставник любого коллектива, а также и каждого в отдельности взятого профессионала.

Золотые слова, – вставил повар Матвей, приглашённый семьёй из ресторана «Славянский базар» для подготовки юбилея. – Таких людей, как Пётр Аристархович я в жизни не встречал.

И снова тамада:

– Вот портрет нашего юбиляра:

Выше всего – честь.

Она у вас есть!

Ум – всему голова, –

Природа дала сполна.

Сила, энергия, власть, –

В полёте вам не упасть!

*Воля, надёжность и смелость, –
Гаранты любого дела.*

*Мужество, зрелость и стать:
Для молодежи – кем стать?
Верность долгу и слову, –
К делу всегда вы готовы.*

*Хороший вышел портрет?
Подарок – друзьям, врагам – нет.
Желаю так дальше держать,
Со временем в ногу шагать.*

Восславив юбиляра, близких родственников и всех присутствующих, тамада, наконец, уgomонился. На время.

Был поздний час. Гости постепенно стали расходиться. Тамада провожал их летящими репликами, добрыми и смешными. Казалось, грузинский юмор хозяйничал сегодня в этом доме.

Выбрав удобный момент, «репортёр» подошёл к юбиляру:

– Я вижу у вас здесь много старинных икон. И есть современные, не писанные маслом, а выполненные полиграфическим способом. Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к религии?

– О, это очень сложный вопрос. Когда-то я был ярым атеистом. И на своих лекциях постоянно утверждал эту точку зрения. Конечно, там, где это было к месту. Ведь физика объемлет знания многих наук, в том числе и философии. А в шестьдесят лет я окрестился.

– Что же вас подвигло на это?

– От атеиста до верующего человека я прошёл долгий путь. В этом мне помогла наука. Как учёный, я просто так ничего не брал на веру. Поэтому, когда в жизни я испытал сильные потрясения, связанные с уходом близких людей, я задумался над смыслом жизни, над добром и злом, над неизбежностью про-

исходящего. Но думы мои ни к чему не привели. Я стал читать Библию, Коран, Тору, познакомился с Буддизмом, с древней китайской философией. Вопросы громоздились у меня, как торосы на реке во время ледохода. А ответа не было.

– Что же помогло вам?

– Я пошёл в храм и вернулся ни с чем. Присутствовать на службе было трудно и непонятно. Но я чувствовал, что именно в храме я должен внутренне услышать ответы на мои вопросы. И вот после долгих поисков я нашёл то, что искал: храм, священника, умные, и глубокие проповеди и наставления. Я обрёл своего духовника.

– Что дал вам приход к вере?

– Самое главное. Я понял, что всё создано Творцом. И в глубинах всех наук это сокрыто для неверующих и открыто для верующих.

– Вы хотите сказать, что вам стало легче творить открытия?

– Нет, конечно. Просто я убедился в том, что не случайно людям не всё даётся открыть. Есть определённый предел. Он меняется с течением времени, но он есть.

Подошла и остановилась чуть поодаль Людмила Максимовна.

«Репортёр» тут же предложил:

– А можно сфотографировать вас вместе для журнала «Новости науки»?

– Конечно, ответил юбиляр, – Людочка, жасминовая моя, – и он нежно обнял жену.

– А почему, «жасминовая»? – полюбопытствовал «репортёр».

– Когда мы познакомились, цвёл жасмин. С тех пор во время цветения у нас всегда в доме всегда стоят букеты жасмина, – сказала Людмила Максимовна.

«Репортёр» отметил про себя, какая она статная, несмотря на возраст. Седые волосы, красиво уложенные, придавали ей сходство со старинными портретами из музея.

– Как это трогательно, – сказал «репортёр» и, церемонно раскланявшись, поблагодарив за прекрасный вечер, ушёл.

Супружеская чета, уставши от приёма гостей, счастливая и довольная, прошла в кабинет учёного.

– Ах! – вырвалось у жены, – посмотри, чудо какое! – На письменном столе стоял огромный букет жасмина.

– Как же так? Кто-то достал в январе жасмин, а я нет. Прости меня, дорогая.

– Что ты, что ты! Это просто чудо послало нам за нашу долгую любовь.

– Да, чудеса, действительно, существуют, – глубокомысленно сказал учёный.

Браво, маэстро!

В квартире №90 жил Евдоким с говорящим попугаем по кличке Кок, потому что на голове у него был симпатичный зелёный хохолок. Грудка у попугая была красная, крылья зелёные, а хвост – жёлтый. Сказочно красивый! А уж умница, – вне сравнений! Квартира у Евдокима завалена камнями, вернее, минералами, корягами, поделками из корней и извилистых веток. Но всё это было в ужасном беспорядке, потому что Евдоким пребывал в хандре. Давно. И не без оснований. От него ушла жена. Но об этом потом.

С тех пор, как Евдоким оказался один, он и приобрёл попугая: живая душа рядом, не так одиноко. Попугай сидел в огромной клетке, в полкомнаты. Да и как иначе, ведь он был ростом в целый метр. Такая вот птичка завелась в доме! Кок оказался на редкость способным: он улавливал интонации, запоминал слова, а, собрав их воедино, иной раз выдавал такие неожиданные фразы, что нарочно и не придумать. Евдоким стал суеверно загадывать, что напороচিত ему пернатый друг на заданный вопрос.

– Ну и погода! Добрый хозяин собаку не выпустит, а тут на работу идти надо.

– Не открывай дверь, – сказал попугай.

– Верно. Не открою – не выйду.

Он сел и задумался. Как так случилось, что жизнь его перекрутила, переделала, переиначила? Разве он мог подумать, что когда-нибудь будет состоять в обслуге у фирмы «Заря», мыть окна в магазинах, ресторанах, закусовых... Он, окончивший геологический институт с красным дипломом, исколесивший всю страну с геологической партией. Они искали и находили тогда новые месторождения бокситов, медного колчедана, железной руды. Работа была интересная, да и люди, что надо, там дрянные не приживаются. Там он встретил свою первую любовь, Катерину. Там и свадьбу сыграли. Разве можно это забыть?.. На берегу Амура, летом, небо врзлёт, вода – до горизонта в

разливе, а на острове они нашли лотос, на счастье! И было же оно, вправду было. И любовь, и трудности, и безденежье вместе несли по жизни. И вдруг – эти страшные девяностые. Всё рухнуло мигом. Не нужна стала геология кому-то. Целая отрасль оказалась отброшенной на долгие годы. Вот тогда-то и пришлось выживать, кто как сможет. Стали они с Катериной «челночить», как и многие другие, а скопив деньги, открыли два ларька на Белорусском вокзале – цветочный и по продаже шаурмы. Цветы давали большую прибыль. Да и шаурма тоже.

Евдоким посмотрел в окно. Дождь со снегом не прекращался. Ну, как мыть стёкла в такую погоду? А мысли всё возвращали его в прошлое. Вспомнил он, как оживляли эквадорские красавицы розы, убирая завядшие лепестки. Как в тысячный раз разогревали и отрезали куски мяса (громко: свежего мяса!) восточного блюда – шаурмы. Большой город, большой спрос. Коренная старушка москвичка не купит, а пробегающий студент впопыхах купит, давась, съест и побежит дальше. А другому – роза позарез нужна, вот такая, как эта, в человеческий рост, а дешевле чуть не в половину по сравнению с магазином. Завернёт он её в целлофан и счастливый отправится на свиданье.

Коку надоело сидеть молча, он ждал общения и громко прокричал:

– Полдень.

Евдоким посмотрел на часы. Был девятый час. Время как быстро идёт. Надо всё же собираться. Но что-то держало его дома. Ох, уж эти воспоминания! Да как же такое забыть?! Были ларьки, и нет их. Снесли к чёртовой матери. Ладно бы просто так снесли. Ведь я ему, этому брюхоголовому чиновнику дал по «лимону» за ларёк, чтоб не сносил. Он же обещал!

– Два «лимона» отстегнул, – вслух сказал Евдоким.

– Два лимона, – повторил попугай, – молодец!

– Был бы молодец, не сидел бы сейчас дома, – ответил Евдоким попугаю.

– Время такое, – изрёк Кок и вдруг резко прокричал: «Летать!»

– Вот говорун! – Евдоким выпустил птицу на волю. – Летай,

дорогой, мне бы твои заботы, – подумал Евдоким, но тут же усомнился. Нет, не надо мне твоей жизни, Кок. Ведь ты в неволе. А что может быть хуже, когда нет свободы? А что оно такое, свобода?

Вот стали повсюду бороться за свободу – получили анархию. Хулиганов сколько развелось! Если свобода в том, чтобы делать, что захочешь, то мне, лично, не нужна она.

Да и другим тоже. А когда никакой свободы, а один страх (как бы не засадили), то уж спасибо, не надо, это мы проходили по полной программе.

Так думал Евдоким, пока Кок летал по квартире, шумно взмахивая крыльями. Потом он подлетел к хозяину, сел ему на плечо и изрёк:

– Учись летать без самолётов!

Евдоким расхохотался:

– Ну, ты хорош!

– Хоррошшш! – подтвердил Кок и, отыскав в кормушке орешек, сжал его в когтях и отправил в рот. Так маленькие дети грызут пряники. Ара, как и дети, любит играть в игрушки. В клетке у него пластмассовый медвежонок и каменный змей. В его движениях много человеческого. Удивительная птица, умная, общительная, как будто для человека создана.

В который раз Евдоким выглянул в окно. Погода по-прежнему оставляла желать лучшего. Невесёлые думы одолевали Евдокима. Чем дольше живёт человек, тем чаще вспоминается ему детство. Ярко. Во всех подробностях. Сейчас ему вдруг вспомнился «Артек», куда его двенадцатилетнего парня отправили за отличную учёбу и активную пионерскую работу. Пришла в голову песня, которую они тогда пели там:

*Утро тихо встаёт,
Утро плавать зовёт
Даже тех, кто вчера не умел.
В Чёрном море вода
Закипает тогда
От горячих и бронзовых тел*

*Поднятие флага,
Туман Аю-Дага,
Тебя, наш любимый «Артек»,
И Крымские горы,
И Чёрное море –
Мы вас не забудем вовек.*

Будто вчера это было: костры, песни, встречи...Понуро сидел Евдоким. Хандра разъедала всё больше и больше его сердце. Не о такой жизни он мечтал с детства. В нём много сил, знаний. На что он тратит опущенную ему жизнь?

– И что же теперь? – Вдруг спросил попугай.

Евдоким очнулся как ото сна от вопроса птицы.

– А теперь хана, – ответил он то ли Коку, то ли своим мыслям. Евдоким никак не мог оправиться от удара, который ему преподнесла его Катерина. Столько лет прожили вместе, и вдруг она ушла к другому. Ну как это? Да, не было детей. Не он в этом виноват. Простудилась она в экспедиции. Не помогли никакие врачи. Так и сказали: детей не будет. Геология – не женское дело. Может, надо было бы взять из приюта, сколько детей несчастных там проживает, мучается. Видно Бог его наказал за это. А ушла она в дом к коммерсанту, у которого в последнее время работала домработницей. У того умерла жена, и осталось четверо детей-школьников. И он предложил Катерине руку и сердце. Ему-то понятно, так удобно, он человек немолодой, некогда ему за молодыми фифами ухаживать, надо детей в люди выводить. А она-то что? Была домработницей, а стала нянькой? Зачем ей это?

Кок громыхал игрушками. Он любил после еды зерновой и минеральной (маленькие камешки помогают птицам переваривать пищу) заняться играми. Ну, в точности ребёнок. Евдокимов вдруг представил, как бы радовались его собственные дети этому попугаю. Ах, мечты, мечты! И всё же, если по правде, почему Катерина ушла к другому, ведь не альтруизма ради. Не такая она. Она себе цену знает. Хоть и не первой молодости, а

порода даёт знать: высокая, статная, походка лёгкая, девичья, по улице идёт, люди оборачиваются. А Евдоким рядом с нею: в затрапезной дублёнке, в шапке из лисялого меха, в стоптанных ботинках.

– Сам дурак! – вдруг ляпнул Кок.

А может, и впрямь так. В борьбе за выживание вошло в привычку думать только о том, как заработать деньги. Времени ни на что не оставалось. Но ведь не хлебом единым жив человек. Видно, мало времени уделял он жене. Не помнит, когда в театре были, да даже в кино, и в гости не ходили. А об отпуске забыли совсем. Одно вспоминается: «Принимай товар, дебет, кредит, прибыль, естественная убыль»... Кому не надоест? А женщина ко всему такая чувствительная. Она ушами любит, ей надо ласковые слова всё время говорить, хвалить её, делать ей комплименты, подарки. «Ну, да, пусть тебе теперь твой коммерсант подарки делает, раз так», – сказал злобно Евдоким и стал собираться уходить. Вспомнил, что не слушал последние известия и включил телевизор. По первой программе шёл фильм, где готовились к убийству, по второй – уже убили, по третьей – расчленили, по четвёртой – парад геев, по пятой – проблемы педофилизма. Евдокимов чертыхнулся и выключил телевизор.

– Россию жаль! – выкрикнул Кок так, что Евдоким вздрогнул

– Ты прямо прорицатель, а не попугай. Помолчал бы лучше. На душе и так скверно, а ты ещё изрекаешь.

Он подошёл к клетке. Кок сидел на жёрдочке, если так можно назвать крепкую круглую палку, которую он прочно охватывал когтями. Сидел он царственно, как сановная особа, сверху взирая на окружающих. Евдоким протянул ему кусок яблока. Кок, удерживаясь на одной лапе, взял кусок в другую и стал выклёвывать из него маленькие кусочки. Заметив косточку, выбросил её и издал звук, похожий на вздох, а следом произнёс:

– Кто бы мог подумать?

Евдокиму было не до разговоров с попугаем. Он сам с собой не мог разобраться. Уход жены его выбил из русла сложившейся жизни. Что, что не так? Вспомнил, как она уговаривала его взять

приютского мальчика, а он всё отговаривался: потом да потом. Вот, мол, заживём получше и возьмём. Все денег не хватало. Ларьки завести – хватило, а на доброе дело – нет.

– Это тебе Евдоким за жестокосердие, – сам себе вынес он приговор, – это тебе за «потом». Вовремя надо всё делать, кто не успел, тот опоздал.

Ему вспомнились стихи.

«Потом» не бывает.

Бывает «сейчас».

День дан, чтобы прожить.

Секунду, минуту и каждый час

Радоваться и дорожить.

«Потом» не бывает.

Проходят года,

А с ними уходят люди.

И только теперь и навсегда

Мы верим, надеемся, любим.

Вот так оно и бывает. Проворонил он свою Катерину. И работа ему не по душе. И дождь не прекращается, снег к нему прибавился сильный. «Наверное, вот в такую погоду легче всего уйти из жизни», – подумал Евдоким.

В дверь позвонили. Кто бы это мог быть? Евдоким открыл дверь. Человек в чёрном, сутулый, похожий на вопросительный знак, высокого роста, среднего возраста, с рюкзаком за спиной, представился:

– Я к вам по вопросу трудоустройства.

Евдоким пригласил его в квартиру, несколько стесняясь беспорядка. Сам-то он уже привык, а гостей у него давнѐхонько не было.

Незнакомец достал из рюкзака небольшие файлы с адресами и кратким описанием учреждений, фирм, ООО с предложениями работодателей.

Евдоким бегло взглянул на бумаги, не ожидая ничего подходящего. Сколько он искал работу! И нашѐл: мыть окна. Заработать можно. Но душе тоскливо. И вдруг он увидел очень странное предложение. Ему бы и в голову не пришло.

«В школе №N с целью расширения кругозора школьников и патриотического воспитания в плане внеклассной работы открыта новая штатная должность руководителя краеведческого кружка. В должностные обязанности руководителя входит создание краеведческого и минералогического музеев».

Евдоким взглянул на незнакомца. Улыбнувшись, он сказал:

– Кажется, вам что-то пришлось по вкусу?

– Да, но я не молод, чтобы начинать работать в школе.

– У вас большой жизненный опыт, а судя по камням, которые я тут вижу, вы имеете какое-то отношение к геологии. Почему бы и не попробовать поделиться своими знаниями?

– Всё было так давно, как будто и не со мной. Вся моя те-перешняя жизнь далека от геологии. Кому я нужен. Я даже себе такой, как я сейчас, не нужен.

– Значит, самое время начать новую жизнь. В детском коллективе. Вас обязательно любят дети.

– Почему вы так думаете?

– У вас доброе лицо.

– Да какое же оно доброе, если я ни одного ребёнка не вырастил, не воспитал. Всё времени, видите ли, не было. Такой вот большой грех у меня.

– Самое время начинать новую жизнь. Работа с ребятами принесѐт вам радость общения, омолодит вас, сделает более энергичным.

– Да, если бы получилось, я бы их собрал в поход. Обошли бы всё Подмосковье, а потом и подальше можно. По всей стране прошли бы с рюкзаками. И на байдарках, – размечтался вдруг Евдоким.

– А для начала неплохо бы было создать музей, поделившись минералами. У вас, наверное, есть дубликаты?

– Да я им всё отдам. Кроме попугая.

– Вот и отлично. Желаю успеха.

Кок, сидевший тихо, вдруг выкрикнул, как будто подводя итог всего происшедшего:

– Bravo, маэстро!

Индонезия, любовь моя или Повар 5-го разряда

На 30-м этаже проживала вполне благополучная семья. Глава семейства занимался юриспруденцией, был весьма уважаемым и востребованным специалистом в области гражданского законодательства. Супруга его – экономист, успешно овладела тайнами аудита. Их долгожданный единственный сын Коленька был обожаемым ребёнком. Бог, видно, даровал им этого младенца за молитвы, обращённые к нему. Голубоглазый, златокудрый, будто слетевший с расписного плафона XVIII века ангелочек, был кумиром своих родителей.

Он рос крепким и забавным ребёнком, рано научился ходить, говорить.

И компьютерные игры не были ему чужды. Но главное, что привораживало его, это было приготовление еды. Несмотря на занятость на работе, мать не признавала кулинарные полуфабрикаты и готовила всё сама. Мальчик, не мигая, смотрел, как мать чудодействует на кухне, превращая продукты

в красивые и вкусные блюда. Он засыпал её вопросами, что откуда берётся, как растёт хлеб, из чего делается йогурт, почему на даче не растут бананы... А по выходным дням в семье было принято готовить сладкий стол. Малыш пристраивался поудобнее и заморожено смотрел, как неутомимый миксер превращает яичные белки с сахаром в белую, пышную пену, а потом из этого получается безе, которое так и тает во рту. Он научился раскатывать тонко тесто, резать его фигурным ножом, завязывать полоски бантиками, которые он передавал маме, а мама опускала их в кипящее масло и вынимала шумовкой готовый хворост.

– Вот какой румяный, красивый он у нас получился, – говорила она, – посыпь-ка, Коленька, его пудрой.

Малыш размалывает в кофемолке сахар и аккуратно через маленькое ситечко насыпает любимое лакомство.

– Мама, как вкусно! – восклицает малыш, – я, когда вырасту, буду каждый день готовить сладости.

– Каждый день у тебя времени не хватит, – говорит мама, – тебе ведь придётся работать. Да и вообще-то это женское дело.

Мама заботилась о здоровье сына и приучала его к здоровой еде.

– Хворост от тебя не убежит, у него ведь нет ножек, правда? А вначале съешь-ка геркулесовую кашу. Ну, ну не упрямясь, посмотри в какой красивой тарелочке она, вон сколько розочек по краю. А самая красивая – на дне. Съешь и увидишь.

Умная мама никогда не заставляла ребёнка делать что-то насильно. Она его уговаривала, убеждала, хитрила и побеждала.

Летом семья уезжала на море, в Турцию. Недалеко, удобно. В отеле 5* (всё включено) в окружении благоухающих роз, олеандров, цветущей бугенвиллеи, спускающейся гирляндами сверху донизу, казалось, попадал в земной рай. Коленька бегал за павлинами, разгуливающими просто так по территории отеля, хотя и был для них вольер, но свобода была превыше всего. В клетках пели канарейки, вступали в общение попугаи, а в бассейнах с голубой водой плавали золотые рыбки. Их можно

было кормить с рук, они ничего не боялись, потому что их никто не обижал.

А какое это чудо – море! Большое-пребольшое! Кто его только выдумал?! Как серебрится в нём вода, как катятся барашками волны, как они захлёстывают и увлекают за собой, откатываясь от берега. Могут даже с головой накрыть. Но мама рядом, она его никогда никому не отдаст. Даже тёплому, доброму морю.

– Ты уже посинел, пойдём погреемся, – пробует мама вытащить закупавшегося ребёнка.

– Нет! Ещё, ещё, ещё, – и он снова с головой погружается в воду.

– А кто же будет из песка сегодня праздничный стол готовить? Другой мальчик?

– Нет! Это я!

И вот уже стол на песке в несколько метров. Чего здесь только нет! В песочных тарелочках расставлены салаты из водорослей, «морепродукты» из выброшенных мидий, из рифленых формочек – тарталетки, а в центре – огромный торт из песка, украшенный выброшенными на берег ракушками, медузами, мелкими камешками.

– Ай да повар! Ай да кулинар! – восклицает папа, – зови гостей на свой торт песочный восточный!

А звать-то никого и не надо. Вокруг толпа загорелых детей и взрослых. Они молча любуются на песочную фантазию маленького мальчика.

Ах, время, время! Как быстро ты мчишься. Ни на миг не останавливаешься ты, как бы мимоходом вершишь судьбы, а уж там – разбирайтесь сами. Вырос Коленька. Статный, ладный, красивый, за словом в карман не лезет, да и постоять за себя может. Пришло время в институт поступать. Стали родители ему советовать. Да вдруг осечка вышла. Не пойду, говорит, в институт, хочу в колледж общественного питания, на повара

учиться буду. И так, и эдак пробовали отговорить его родители, но будучи разумными и любящими, отступили.

Закончил Николай колледж с одними пятёрками и получил «красный» диплом повара-технолога 5-го разряда. Обмыли, как полагается, с ребятами свои дипломы в соседнем с колледжем кафе и – врассыпную. Все устроились, кто как мог.

Николаю повезло. Его взяли во французский ресторан «Care blanc» («Белый квадрат»), что на Селезнёвке. Вот он, молодой специалист, в белой куртке-robe с застёжками покли и с сеточкой по бокам, чтоб тело дышало, в чёрных брюках, в чёрных удобных сандалиях, в чёрном фартуке готовит ужин для французской делегации. На раскалённых чугунных сковородах – жирная печень закормленного гуся – излюбленное блюдо французов «фуа-гра». На изысканном белом блюде будут подаваться сыры «Камамбер» и «Блю-де-кос». Обидаются французы, если забыть о колбасках «андуй» из рубленых свиных потрошков. А горчица к ним пойдет зернистая, к кровяной колбасе пойдет запечённое яблоко и веточка тимьяна. Сыры у французов подаются на десерт вместе с фруктами. А вот к кофе Николай приготовил по своей инициативе торт «Наполеон», «торт из тысячи лепестков», как говорят французы. Он приготовил его ещё вчера, «Наполеон» должен пропитаться кремом и ни в коем случае не быть похожим на магазинный. Этот торт, по бабушкиному рецепту, он мягкий, нежный и не осыпается чешуёй слоёного теста на костюм джентльмена от Кордена или на драгоценное платье дамы от Диора.

А вот и французы. Старые, подтянутые, шумные. Иностранца от русского всегда можно отличить по свободе движений, по манере говорить, ходить. В каждом из них живет уверенность в себе. Женщина пожилая, некрасивая абсолютно уверена в своей исключительной привлекательности. И это помогает ей произвести должное впечатление.

Интерьер ресторана соответствует его названию: квадратные столы, покрытые белоснежными скатертями, с букетами алых роз в фарфоровых вазах. Свет мягко струится по тонким

стеклянным бокалам. Вина, коньяки, «Шампанское» будут подаваться по протоколу к соответствующим закускам и в положенное время. Музыка наполняет зал мелодиями «Ретро». Поёт Ив Монтан, незабвенная Эдит Пиаф, вторят ей Мирей Матье, Патриция Касс. Официант в чёрно-белой паре мотыльком летает между столами, легко обходясь несколькими услужливыми фразами и принимая заказы... Тосты, смех, аплодисменты. Танцуют парами. Публика сегодня солидная... Чаевые должны быть увесистые...

Прошёл год, другой. Что-то стало тяготить Николая в этой жизни. Не то, чтоб профессия разонравилась, а уставать стал он от однообразия текущей жизни. Работа – двое суток по 14 часов, отдых двое суток. И так всё время. Что-то хотелось ему изменить, а что – он не знал. И вот однажды к ним в гости пришли старые друзья родителей. Стол готовил, конечно, сам Николай. Похвалам не было конца-края. Вечер был весёлый, остроумный. Вспоминали свою молодость, вспомнили Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве в 1957 году. И тут-то отец Николая решил «угостить» друзей старой песней, которая хранилась у него в фонотеке. Музыка тихая, душевная, околдовывающая заполнила пространство, овладела присутствующими.

*Морями тёплыми омытая,
Лесами древними покрытая,
Страна родная Индонезия,
В сердце любовь к тебе храним.*

*Тебя лучи ласкают жаркие,
Тебя цветы одели яркие,
И пальмы стройные раскинулись
По берегам твоим.*

Что-то произошло в душе Николая в тот миг, что-то задело его. Засыпая, он учил на память сладкую мелодию:

*Песня вдаль течёт,
Моряка влечёт
В полуденные
Свои края.
Ты красот полна,
В сердце ты одна,
Индонезия - любовь моя.*

Наутро Николай уже точно знал: он уедет в Индонезию и откроет там свой ресторан. Купит дом, потом виллу. Нет, небольшой домик и будет помогать родителям. А дальше видно будет. Для начала надо найти 2-3 х компаньонов.

Сказано – сделано. Дома поплакали и отпустили. Мать было сказала отцу:

– И откуда ты взялся со своей Индонезией?

Он махнул рукой и ответил:

– Ну, в Америку бы уехал. Уж лучше, пусть в Индонезию. Разве ты не знала, что птенцы всегда из гнезда улетают

– Так далеко, не дай Бог, что случится, не доехать, не долететь. Что-то мне на сердце неспокойно.

– Случиться может где угодно. Не думай об этом, лучше парня в дорогу собери с толком. Да с друзьями его поговори, пригласи ребят к нам.

И вот она, Индонезия, самое большое островное государство в мире! Страна, пересекающая экватор, протянулась с востока на запад на 5 тысяч километров, с юга на север – на две тысячи километров. Она распростёрла своё владычество на 18 тысячах островов больших и малых, на которых время от времени просыпаются вулканы. Их здесь, действующих, 220.

Не налюбуется Николай красотой экзотической страны. Стройные, как юные индонезийские девушки, кокосовые пальмы, склонившись, смотрят на своё отражение в море. Время от времени сбрасывают они с себя отяжелевшие плоды, и мор-

ская волна, подхватив их, качает, как в колыбели, а потом иной раз и выбросит на берег, чтоб выросла новая пальма. День и ночь на экваторе делятся по 12 часов. В 6 утра восходит солнце, в 6 вечера уходит за море. Недолго длится закат, но красоту эту неопишущую забыть невозможно.

*Вот в пальме месяц заблудился,
Застрял он в веерах её,
Ах, как он дивно золотился,
Дарил ей золото своё.*

Николай не расстаётся с фотоаппаратом. Закатное небо, будто расписанное бело-розовым крылом фламинго, быстро багровеет, темнеет, и вот уже по чёрному бархату распласталось созвездие Южный крест. А Млечный Путь белым шлейфом простирается по незнакомому Николаю звёздному небу.

Утро начинается, как увертюра к симфонии тропического дня. Солнце медленно, не торопясь, выходит из моря красным, нежгучим шаром, на который можно спокойно смотреть. Затем раскаляется, пробуждая природу, начиная новый трудовой день. Николай бредёт по берегу туда, где только что расположился мальчик, продавец папайи. Какой отличный фрукт! А как он красиво висит на дереве! Сколько вкусных блюд можно из него приготовить! Скоро вот Николай откроет свой ресторан «Баунти – райское наслаждение». Вот тогда-то он и развернётся, покажет, что можно делать с экзотическими фруктами и овощами!

Недалеко от продавца папайи сидит старый, седой, и по виду очень мудрый продавец жемчуга. Вот и первый покупатель. Он знаками подзывает Николая и демонстрирует ему свой товар. Чиркнув зажигалкой, он проходит пламенем по жемчужинам. Не горят? Значит – жемчуг натуральный. Как дивно переливаются жемчужины в утреннем солнце, – розовые, белые, черные, выращенные в искусственных садках теплого моря. Николай выбирает подарок для матери, и сердце его наполняется радостью.

Каждый вечер он отсылает письмо по электронной почте. Он подробно описывает свою жизнь здесь, на острове Бали, в княжестве искусств Убуд, где они временно снимают квартиру. «Идёшь по улице, – пишет Николай, – и куда ни глянь – справа и слева повсюду стоят для продажи каменные и деревянные скульптуры индуистских богов, изображение Будды, зверей, птиц, драконов, Всё это выполнено с таким мастерством, что я не удержался и купил тебе, отец, дракона из тикового дерева. Обязательно с оказией передам, здесь много русских и часто ездят туда, сюда и туристы, и те, у которых тут есть свой бизнес. Жизнь здесь течёт медленно. В домах живут большими семьями. Во дворе нашего дома, где мы снимаем квартиру, растёт огромный баньян, священное дерево с воздушными корнями, которые втыкаются сверху в землю и прорастает новое дерево, так что от одного дерева может получиться целая роща. Именно под таким деревом 2500 лет назад сидел Будда, когда к нему пришло просветление. А вообще-то это дерево – фикус, только огромный! Сажу я под ним и вижу, как каждый день жильцы дома приходят молиться в свой собственный маленький храм, а потом оставляют приношения из риса и цветов своими усопшим предкам, захоронения которых у них находятся здесь же под каменными памятниками. Индонезийцы – очень добрый народ. Они к нам хорошо относятся. И вообще вы обо мне не беспокойтесь. Я здесь под надёжной защитой. При входе в мой дом стоят большие каменные ворота, на которых вырезаны справа – бог, слева – богиня. Они защищают дом (и нас тоже) от злых духов».

Всё шло как нельзя лучше. Обживались на новом месте, снимая вчетвером домик у матушки Маде. В трёх других жилищах размещалось многочисленное потомство доброй старушки. За городом у них было большое хозяйство. На одном поле они выращивали ананасы. Вы видел, как они растут? Как наша капуста. Созрели сочные, ершистые плоды, сняли урожай, распахали поле. А рядом – бахча. Маленькие арбузики были похожи на детские игральные мячики. Об колено разломишь, – а он красный,

крупчатый, сладкий, как из одного сахара состоящий.

Неподалеку от их хозяйства ребята присмотрели место для будущего ресторана. Договорились с местным жителем об аренде за землю. В считанные дни построили вместе со здешними плотниками бамбуковый ресторан с крышей из пальмовых листьев. Как большая беседка стоит ресторан с вывеской «Баунти – райское наслаждение» по-русски и по-английски. Не проходите мимо своей удачи! Загляните в ресторан!. У входа вас угостят прохладительными напитками. Милости просим, отведайте огуречный сок со льдом, манго, ананасовый. В стоимость не входит. Ресторан угощает. Же-

лаете закуски? Что есть? всё есть, а чего нет, так завтра будет обязательно. Специально для вас – за пол-цены. Отведайте национальную индонезийскую кухню. Николай готовит на кухне, двое других друзей заняты заготовкой продуктов, Сергей в – роли официанта.

– Дорогие соотечественники, – церемонно обращается он к зашедшим русским туристам, – рекомендую в качестве закуски местные сыры и брынзу с зеленью, сашими – блюда из сырой рыбы. Есть морской окунь белый, красный, и даже найсвежайший тунец с кисло-сладким соусом; осьминог с лимоном. Горячие блюда: тигровые креветки жареные в кляре, лобстер отварной с соусом чили, куриные шашлычки на гриле, и традиционно – рис с ореховым соусом.

Низкие цены привлекают русских туристов, и они заказывают всё по одной порции, чтобы поделившись, отведать всего понемногу. И вот уже, лавируя между лёгкими столиками, Сергей несёт большие порции красиво приготовленной еды на банановых листьях в качестве посуды. Индонезийцы не пьют, но для русских есть вино. К рыбе, к птице, естественно, белое.

– Господа! Предлагаю отведать кокосовое молоко. Прохладительный напиток, прямо со льда!

– Ребята! Фото, как мы сидим в русском ресторане в Индонезии и пьём через бамбуковую трубку мо-ло-ко! И по E-mail – сегодня домой! Вот наши родители довольны будут! Давай, парень, становись с нами рядом и друга-повара зови, молодцы, хорошее дело сварганили за рубежом! Вот бы дома так! – веселая компания туристов, запечатлённая на фото, теперь украшает зал ресторана. Под нею надпись: «Знайте наших!»

Дела шли хорошо. Друзья с радостным чувством удача начинали день. Им хотелось придумать что-нибудь ещё лучше и интереснее для своих клиентов. Ведь от конкуренции не уйти! Значит надо трудиться, думать, изобретать.

Ранним утром Николай вместе с Сергеем поехали купить фрукты и овощи. Внезапно пошёл дождь, и, напористо набирая силу, превратился в сплошной поток, низвергаемый с неба.

В тропиках дожди как начинаются внезапно, так и прекращаются внезапно. Толстый слой воды скатился с шоссе вбок в прорытые специально для этого канавки. Остановившиеся было машины снова включили двигатели и двинулись вперёд. Отошедши от жуткого впечатления тропического ливня, заставшего их в дороге, друзья стали планировать, как бы им обустроить территорию их ресторана.

– Хорошо бы и нам вырастить хотя бы грядку ананасов. А потом когда-нибудь и кокосовая пальму, – сказал Николай.

– Упаси Бог, – возразил ему Сергей, – разве ты не знаешь, что кокосы, падая на землю, часто убивают рядом находящихся людей? Есть даже статистика, сопоставляемая с числом жертв в автомобильных катастрофах.

– Ну, ладно. Тогда пусть растут безобидные бананы. Самые маленькие, королевские, кстати, самые дорогие.

– Для декорации, ведь бананов потребуется много, покупать придётся.

Проехали мимо пальмы путешественника. Удивительное дерево, которое в своих нераспущенных листьях, похожих на листья бананов, собирает росу, – страннику напиться в пути! Вот так природа! Заблудка ты наша, не даёшь нигде пропасть. Это мы, человеки, нападаем на тебя, прости нас, грешных.

На остановке купили манго, хризолитово-спелые, сочные плоды. И поехали дальше Дорога почти высохла, лишь полоска мокрая. Николай включил 3-ю скорость, и быстро помчавшаяся машина вдруг пошла юзом. Ещё мгновение, – и сильный удар о бордюр, выскочившая дверь, вынесенный на обочину Сергей... Разбитое стекло вонзилось в руки и ноги Николая, ещё сильный удар в перевернутой машине, а дальше – тишина.

Николай очнулся в больнице, где ему оказали первую помощь. Рядом стоял весь перевязанный Сергей и врач. Вот когда ребята сообразили, как надо было им учить английский не только для того, чтобы обслуживать ресторанных посетителей, но и чтобы свободно общаться. Врач, как мог, объяснил, что положение серьёзное, многочисленные переломы, а самое

страшное – перелом шейки бедра. Нужна серьёзная операция. Хорошо, хоть Сергей на ногах.

Первым самолётом друзья вылетели в Москву. В Домодедове их уже ожидала «Скорая помощь». Плачущая мать, почерневший от горя отец отправились вместе с прибывшими в Боткинскую больницу. Врач, выдавший на своём веку всё, сказал коротко и просто:

– Замена левого тазобедренного сустава эндопротезом. Гипс на перелом голени правой ноги. Удаление швов, наложенных в Индонезии наспех, под ними есть осколки стекла. Пластическая операция по пересадке кожи на руке. Три переломанных ребра срастутся сами под тугой повязкой. Будет жить.

Вот и всё. И началась больничная жизнь. День за днём возвращали Николаю утраченное здоровье. Помогла донорская кровь. Сдал отец. Родная кровь поможет всего лучше.

Операция прошла удачно. Стали затягиваться вновь зашитые раны. В палате 6 человек, все лежачие. За всякой мелочью надо звать санитарку. А на ней всё отделение, не дозовёшься. И решили родители нанять сыну круглосуточную няню. Старая, одинокая Полина Ивановна, в прошлом инженер, теперь баба Поля, была озабочена тем, что на маленькую пенсию, когда придёт время, не смогут её по-человечески похоронить. И стала она подрабатывать в больнице. И уж как ухаживала она за больным молодым человеком! Только глаза откроешь, она к нему: пить? есть? утку? судно? умыть? переодеть? Прямо-таки, как с малым младенцем, которого у неё никогда не было. Молодой организм при хорошем уходе быстро шёл на выздоровление. А на полную реабилитацию ему отпущен был целый год.

Прошло время, и Николай выписался из больницы. Родители его, хоть и были неверующими людьми, но когда случилась беда, стали ходить в церковь, молить Бога о выздоровлении сына, и ставили свечки за здоровье Николая и хирурга Сергея Васильевича. Что бы ни говорили, а наша медицина держится на подвижниках. Только человек, влюблённый в свою профессию, может творить чудеса.

Дома в своей квартире на 30-м этаже, Николай будто погрузился в детство. Он подолгу спал. Это хорошо, говорили врачи, во сне он выздоравливает. Ему снились школьные друзья, горки, санки, лыжи. И ещё ему снилась Индонезия. Вот он снимает огромный созревший дуриан, похожий на стократно увеличенный незрелый с зелёными пупырышками плод каштана. Срезает кожуру, и обнажается та внутренность, которая провозглашается гурманами самым изысканным деликатесом. А от кожуры исходит такой отвратительный запах, что с дурианом на самолёт не пускают.

– Тебе приснился хороший сон? – спрашивает мама у сына, пробуждающегося с улыбкой.

– Да, очень. Дуриан приснился, фрукт такой. Жаль, что его оттуда нельзя привезти.

– Откуда?

– Из Индонезии.

– И думать о ней забудь.

– Никогда не забуду. Она красивая, тёплая, добрая.

– Ты там чуть в гроб не попал. Сиди дома. Никуда мы больше тебя не отпустим. Так и знай.

Не стал Николай спорить. Промолчал. Понимал, сколько горя принёс родителям. Поехал своё дело открыть, деньги заработать, родителям помочь. Они ведь уже пожилые, на пенсии. А на наши пенсии, как известно, не очень-то разгуляешься. Вместо помощи – одни расходы, эндопротез вместо сустава, дорогостоящая операция и так далее. В этой ситуации, понимал Николай, лучше помолчать.

Так и шли дни за днями. Но вот однажды к нему пришёл незнакомец. Он представился корреспондентом молодёжной газеты «Вопросительный Знак». Николай, со свойственным ему юмором и проницательностью, подумал, что и сам-то пришелец точь-в-точь – Вопросительный Знак: одетый во всё чёрное, худой, высокий, изогнувшийся, с глазами любопытными и насмешливыми.

– Мне стало известно, сказал он, что вы перенесли тяжёлую травму за рубежом, куда уехали работать. Как сейчас вы себя чувствуете и какие планы на перспективу.

– Хожу на костылях, а в перспективе – без. Так считает мой врач. А я ему верю.

– Почему вам не сделали операцию за рубежом?

– Мне те врачи сами посоветовали оперироваться в Москве. У нас эти операции на потоке, а у них – нет.

– Вы сожалеете о своей поездке в Индонезию в связи со случившимся?

– Никак нет. Такое может произойти где угодно. Причём же тут Индонезия? Это замечательная страна, добрая, гостеприимная. Там много русских, которые осели и толково делают свой бизнес. К сожалению, мы только прицелились: построили ресторан, начали благоустраивать территорию возле него, пошли первые клиенты. Ресторан приносил доход. Ну, в общем, всё как надо. Мой друг, который привёз меня сюда, вскоре туда едет. Там ведь остались двое наших. Они и продолжат начатое нами дело.

– А вы что будете делать?

– Я повар. Тем и займусь где-нибудь в кафе попроще, рядом с домом, чтоб не ездить далеко, ногу пощадить. Это пока, а там видно будет.

– Вам нравится ваша работа?

– Да. Когда можно фантазировать, сочинять, осваивать новые технологии в приготовлении блюд. Одним словом, когда можно творить. А просто так ходить на работу – нет. А теперь, похоже, именно так и придётся.

– А что вам мешает жить и работать с интересом здесь? Почему вас тянет куда-нибудь уехать из России?

– Вот приду сейчас на работу, и начнётся: замучают бумаги, никому не нужные, формалистика, бюрократия и поборы – пожарникам, электрикам, сантехникам, санитарно-эпидемиологической службе, комиссии по гигиене производства. И всем – дай.

– А вы пробовали бороться с этим? Выступить против коррупции. Призвать к выполнению законов?

– Выгонят, выставят, прибьют. Законов у нас много, но они не для людей. Вот поэтому мы и решили уехать в Индонезию, где уже точно знали от знакомых, что сможем там свободно организовать

свой бизнес. Твори, выдумывай, пробуй! Ты стараешься, и это все видят. Ты открыт – и к тебе с открытостью. Государство поощряет инициативы, а не препятствует им, не издаёт законы неудобоваримые, невыполнимые, которые не для порядка, а для того, чтобы трудно было работать. И, Боже упаси, проявить инициативу.

– А вы пробовали?

– А как же! Мы с Сергеем, другом моим, решили организовать производство сыра из натуральных продуктов, а не чёрт знает, из чего. Купили десять бидонов по 55 литров, большие кастрюли по 50 литров, дуршлаг, сетчатую поверхность, марлю, небольшую ванну, тяжелые гири в качестве пресса. В общем, всё что надо.

– А откуда вы знаете, как надо?

– Так мы же с Сергеем, ещё когда учились, ездили в Голландию, чтобы познакомиться с сыроваренным производством. Мы были там на небольшом частном заводе, где работает одна только семья, у которой – сыроварение – семейный бизнес. Вот уже сто лет, как эта традиция передаётся от отца к сыну. Там мы и узнали несколько рецептов приготовления молодых сыров. Нам показали весь процесс переработки молока в сыр. У них это производство очень выгодное, ничего не пропадает, всё разумно устроено.

– А как живут там сырных дел мастера?

– Да как сыр масле, купаются, – пошутил Николай. – Понимаете, у них нигде нет простоя, весь процесс идёт, как по маслу. У старшего сына – ферма. У него большое стадо коров. Средний сын утром едет за молоком и привозит цистерну. Глава семейства, его жена, невестки занимаются непосредственно сырным производством. Сыворотку младший сын отвозит на хлебопекарню и за вырученные деньги покупает корма для коров. Замкнутый цикл, и семья при наваре. И никто им не мешает, никто не вставляет палки в колёса.

– И вы тоже решили освоить это производство?

– Ну, да. Лучше бы и не пробовали.

– Почему?

– А вот послушайте. Закупили молоко на фермерском хозяйстве за 100 километров от Москвы. Приготовили лимонный сок в сокоотжималке. Нагрели молоко в большой кастрюле до 80 градусов и влили сок. Молоко свернулось, образовались гранулы, откинули на марлю, сыворотка стекла, оставшуюся массу – под гнёт на один час

Потом добавляем соль, перемешиваем и – в пакет на два дня. Молодой сыр готов. А если ещё два дня на воздухе, он желтеет, дозревает.

– Вы знаете, Николай, я так ярко себе представил ваше производство, что мне и самому захотелось этим заняться.

– Упаси вас Бог! Сыр-то мы сделали, и получилось его много, он был вкусный, жирный, натуральный, молодой. Видите, сколько эпитетов! Да, ещё забыл – наш сыр был без пальмового масла и без красителей. Он в них просто не нуждался, потому что сам по себе был хорош.

– Ну, я вижу одни плюсы. Тогда почему же вы меня предостерегаете последовать вашему примеру.

– Вот-вот, нашему примеру! Потому что мы потом не знали, куда его деть. Поначалу собрали друзей, угостили. Взяли домой. Понравился. Но его же много, надо продать, реализовать. На рынке милиционер разрешил торговать два часа, взяв при этом большую головку сыра. Без документов – нельзя. А пока документы сделаешь, сыр состарится. Отправились на ярмарку. Организовали дегустацию. В конце концов, продали. И организатору ярмарки крупно заплатили на радостях, что, наконец-то избавились от сыра. А когда посчитали все затраты и выручку, то оказалось, что мы в накладе на 50%.

– Хорош бизнес, ничего не скажешь!

– Вот и скажите об этом государству, а не мне.

– В жизни часто бывает так, что инициатива наказуема. Но без этого люди не могут жить. Застой обусловлен рутинной во всех сферах жизни и производства. Вот наша молодёжная газета «Вопросительный Знак» на то и нацелена, чтобы узнав причины, по которым молодёжь покидает родину и уезжает в

другие страны, внести предложения для рассмотрения в государственном аппарате.

– Даже если и услышат вас, то нашему поколению, по крайней мере, не дожидаться перемен. Уж лучше мы себя реализуем там, где нашим умениям, способностям расторопности, если хотите, будут рады. Мы едем туда не за огромными деньгами. Индонезия, как вам известно, небогатая страна. Но и там, заработок наш даст нам прибыль, а главное, мы реализуемся как специалисты. Понимаете, не хочется пеньком быть.

– Ну, почему же пеньком? По-моему, вы очень хорошо смотрите на своём месте, насколько я могу себе это представить из нашего разговора и просто из собственного впечатления.

– Вот здесь мне иногда говорят: «Ты кто такой?» Я с гордостью отвечаю: «Повар 5-го разряда». «Тоже, нашёл, чем гордиться!» А почему я не должен гордиться, если я мастер своего дела и честно выполняю мою работу? Только потому, что у меня нет высшего образования? Мой отец работает адвокатом, и я знаю из его практики, сколько инженеров, учителей, врачей и специалистов других профессий проходят по судебным делам. Нельзя гордиться тому, кто не честен.

– Ваши родители правильно вас воспитали. Сейчас бытует и другое отношение к жизни. Вот недавно я слышал в метро такой разговор. Обсуждали, кто сколько зарабатывает, и один другому говорит: «А неважно, грамотный ты или нет. Прав тот, кто лопатой деньги гребёт».

– Вот этого я никогда не пойму. Мне с детства нравилось готовить, и я благодарен моим родителям, обоим с высшим образованием, за то, что они не стали меня притеснять, и я сам выбрал, где и как мне учиться. И никогда об этом не пожалел. По-моему, работу надо любить, как жену.

Иначе всё насмарку.

– Как интересно вы сказали! Это готовый подзаголовок для нашей газеты. Не возражаете?

– Вам видней. В этом деле вы – спец. А я в другом. Мы так долго с вами разговариваем, что уже наступило обеденное вре-

мя. Я приглашаю вас к столу, чтобы вы могли сами убедиться в том, какие специалисты уезжают из страны. А почему, я уже вам всё рассказал.

Николай отправился на кухню, чтобы приготовить быстро угощение для гостя, а когда через минуту вернулся, то оказалось, что никого нет. На столе лежала записка: «Николай! Вы – большой молодец! Желаю Вам скорого выздоровления. И большой, интересной работы. Помните: Вы нужны всюду. Буду рад с Вами снова встретиться. Предлагаю Вам вместе с нашей газетой думать над тем, как обустроить наш мир. Вопросительный Знак».

Николай огляделся повсюду. Точно никого не было. Дверь заперта изнутри. Балкон тоже закрыт. Что он, через стенку прошёл что ли? И тут он вспомнил, что и дверь-то ему не открывал. Незнакомец пришёл тогда, когда дома никого не было, а Николай дремал. Никто не звонил в дверь и точно он ему не открывал. Так как же он вошёл и как вышел?

– Как вошёл, так и вышел, – вслух сам себе сказал Николай и добавил, – Был бы человек хороший. А, судя по всему, так это и есть, если ему не всё равно, как и почему молодые специалисты рвутся из страны. Видно, больной у него этот вопрос. Вот и пусть расскажет всем в своей газете. Вдруг да очнутся те, кто за это в ответе.

Под звёздным небом

Вопросительный Знак вышел на крышу дома. Темная ночь простиралась над городом. Днём на крыше бывало многолюдно, ведь здесь находилась оранжерея, зимний сад, солярий, бассейн и маленькая обсерватория. А сейчас – тишина. Пройдя незаметно мимо целующейся парочки, он подошёл к астроному и через плечо заглянул в телескоп. Кусок звёздного неба, выхваченный оптическим стеклом из необъ-

ятной Вселенной, казалось, был совсем рядом и чётко слышался смех звёзд.

– Почему они смеются? – спросил Вопросительный Знак.

Астроном, не отрываясь от наблюдений, ответил:

– Наверное, прослышали, что человек – царь природы, – и что-то записал в тетрадь, лежащую рядом. Астроном был очень старый человек. Борода клином упиралась в его грудь. Высокие руки с тонкими пальцами привычно налаживали фокусировку телескопа.

– А вы давно ведёте наблюдения? – спросил Вопросительный Знак. – О, вам есть с чем сравнить! За это время столько всего произошло!

– Внизу – да, – он указал на простирающийся город, светящийся электрическими огнями, – а там, вверху, – он указал на небо, – всегда порядок.

И они оба стали любоваться картиной звёздного неба. Млечный Путь щедрой россыпью светлел на тёмном небе.

– Главное в мире – это порядок, – скажу я вам. Всё имеет причину, а причина – следствие. Есть закономерности, которые разрушить нельзя. Вот представьте, – он лукаво улыбнулся, и в улыбке сверкнули совершенно молодые, здоровые зубы, вы только на мгновение представьте, что мне бы захотелось вот эту звезду А-Большой Медведицы передвинуть на В-Малой Медведицы, – говоря это, он резко перевёл телескоп в другое положение. – Что произошло бы? – И тут он захохотал, – медведи передрались бы.

Он смеялся так заразительно, что и Вопросительный Знак совсем по-человечески тоже рассмеялся. Внезапно астроном стал серьёзным и, как назидание, чеканя каждое слово, произнёс:

– Природу уважать надо. Только слушать её всеми пятью, шестью, десятью (у кого сколько есть!) органами чувств. И ей повиноваться.

– Я тоже давно живу на свете. Мне не дано состариться. Я много хожу, вижу, спрашиваю, и в ответ рождаются новые вопросы. Главный из них – что есть Истина. Без чего общество не может существовать, а человек не может быть счастлив?

– Общество состоит из людей совершенно разных. Но есть то, что всех объединяет: все хотят жить, быть здоровыми, иметь детей. Это, так сказать, на уровне инстинктов. А вот дальше, в отношении своих характеров, личных качеств, своей деятельности люди очень разнятся.

Он полистал свою тетрадку, в которую были занесены результаты его астрономических наблюдений и сказал:

– Вот есть кое-что, увиденное мною там, внизу:

*Какие мы разные:
Чистые и грязные,
Красивые и безобразные,
С юмором и сарказмом.*

*Добрые и говорливые,
Злые и молчаливые,
Тихие и ретивые,
Грозные и спесивые.*

*Унылые и ленивые,
Великаны трудолюбивые,
Как водопад, бурливые,
Скандальные, миролюбивые.*

*Умники и дебилные,
Кастраты, любвеобильные,
Монахи и ссыльные,
Слабые и сильные.*

Вероятно, он продолжал бы и дальше, но Вопросительный Знак и сам всё это знал. А что же самое главное? Без чего не может жить человек? Без Любви, без Веры, без Надежды.

– Обо всём этом сказано в Библии. Первая заповедь: Возлюби Господа Бога Твоего. А вторая: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Значит, главной является любовь. Вы,

наверное, замечали, что всё, что делается с любовью, лучше получается.

– Ещё апостол Павел говорил: « И если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий».

– Против этого ничего не скажешь. Но из долгого жизненного опыта я знаю, что рядом с любовью доброта стоит, – вдруг произнёс астроном, будто суммируя всё, что знал о жизни. И немного помолчав, продолжил:

– Доброта должна присутствовать в каждом поступке, тогда добрые силы победят разрушительные силы зла, пороками, алчностью, ненасытностью заполняющие душу и разум людей,

Астроном, внимательно глядел на собеседника зоркими, пронзительно синими глазами, в которых отражались звёзды. А может, это и были звёзды?..

Впросительный Знак задумался. Когда человек что-то делает, то в этом не должно быть корысти. Это библейская исти-

на. Все размышления приводят к тому, что если ты в стороне от семи смертных грехов и выполняешь десять заповедей, которые дал на каменных скрижалях Бог Моисею на горе Синай, то ты идёшь праведным путём и тем самым исполняешь данное тебе свыше предназначение на Земле.

Всю ночь светили звёзды, а Луна будто запаздывала с появлением. И вот она величественно вошла: большая, оранжевая, с еле заметными тёмными пятнами. И сразу стало светло, почти как днём.

«Как красиво», – подумали одновременно астроном и Вопросительный Знак. Они стояли на самом краю крыши дома и любовались небесным зрелищем. Было свежо и тихо.

Светила полная Луна.

Содержание

В гостях у художника	4
Коллекционер	9
Близнецы	13
Избавляйтесь от лишнего!	18
Многостаночник	22
Чудак	26
У резного торшера	31
Поэт	36
Гадание на мыльных пузырях	43
Проигрыш	47
Кто самый достойный?	51
Рахматулла	56
Школяр	60
Царьков и мраморный лев	63
Весёлая компания	67
Юбилей	72
Браво, маэстро!	79
Индонезия, любовь моя, или повар пятого разряда	86
Под звёздным небом	103
Содержание	108

Литературно-художественное издание

Людмила Ивановна Стасенко
«СРЕЗ ПО ДИАГОНАЛИ»

Вёрстка
Дарья Тырданова
Иллюстрации
Дарья Тырданова
Варвара Нафеева

Формат 60x84/16
Гарнитура Franklin Gothic Book
Тираж